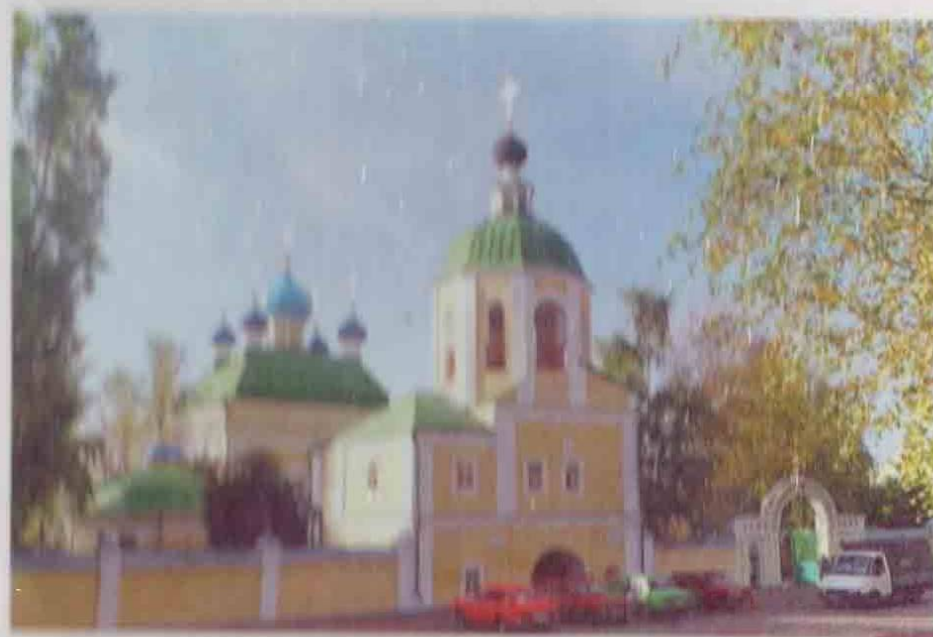

Людмила ПЕРЕЛЫГИНА

ЛЕТОПИСЬ СЕРГИЕВСКОГО ХРАМА

Людмила ПЕРЕЛЫГИНА

ЛЕТОПИСЬ СЕРГИЕВСКОГО ХРАМА

Орел
Частный издатель
Александр Воробьев
2000

Серия "Духовное наследие Орловщины"

Л.В. Перельгина. *Летопись Сергиевского храма.* — Орел, частный издатель Александр Воробьев, 2000. — 88 стр.

Почти четыре века насчитывает история Сергиевского храма в городе Ливны. Один из самых почитаемых храмов на орловщине, как и вся Русская православная церковь, переживал взлеты и падения, периоды рассвета и заустения. Автор предпринимает попытку воссоздать хронологическую летопись храма, рассказывает о его святынях и, конечно, о людях — настоящих подвижниках духа.

"Летопись Сергиевского храма" — вторая книга в серии "Духовное наследие Орловщины".

ISBN 5-900901-19-X

© Перельгина Л.В. 2000

© Частный издатель
А.Воробьева. 2000

ПО ЗАВЕТАМ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

*История церкви есть история ее святости.
Патриарх Пимен.*

лова патриарха, вынесенные в эпиграф, относятся к "большой истории" — истории русской православной церкви в целом. Но они справедливы и для каждого конкретного храма нашей земли. А уж если отыскивать историю Ливенской святости, то придется прежде всего обратиться к Сергиевской церкви в тот период времени, когда она принадлежала Ливенскому Сергиевскому мужскому монастырю.

Первые письменные сведения о монастыре относятся к 1592 году, когда государь Федор Иоаннович пожаловал монастырю речку Тим "со всеми угодьи: бобровыми гоны, хмелевыми болоты и луги береговые со всеми угодьи". Эти хозяйственные сведения ничего не говорят о духе, который поселился среди бревенчатых стен монастыря, в его кельях, вернее, в одной келье, потому что для экономии братия жила сначала вместе. Отрывочные сведения, собранные на заре нашего века первым биографом монастыря протоиерем Сергиевской церкви Лукой Ефремовым, убеждают нас в том, что это был дух, завещанный русским инокам небесным покровителем монастыря Сергием Радонежским.

"Неусыпный сохраниче рода Российского, скорый в бедах помощниче, отце святой", преподобный Сергей Радонежский, создавая свой монастырь во имя Пресвятой Троицы, оставил несколько заветов, правильность которых подтвердила практическая жизнь монастырей: никакого труда не избегать и не стыдиться, жить плодами рук своих, милосердия и страннолюбия не забывать, всеми мерами поддерживать христианское просвещение и церковные художества. Все эти заветы преподобного свято соблюдались насельниками Ливенского Сергиевского мужского монастыря. Своими руками братия рубили первые деревянные церкви и ставили стену монастыря.

Первое упоминание о манахах относится к 1615 году. В это время подьячие Михайла Иванов Савенков и Матюшка Федоров, описывая город Ливны и его жителей, записали: "В большом же остроге монастырь Сергиев. А в монастыре церкви великого чудотворца

Сергия Радонежского, да другая церковь теплая Благовещения Пресвятыя Богородицы, деревянные клетцки”.

Для современников Михайлы и Матюшки эта краткая характеристика несла разнообразную информацию. Например, словосочетание “деревянные клетцки” сообщало о том, что церкви построены по канонам народного деревянного зодчества, которое взяло за основу строения клеть — бревенчатый четырехугольный сруб. Используя эту конструкцию, плотники в разных уголках России возводили самые разнообразные строения — от пятистенной избы стрельца до княжеских палат. Скорее всего, деревянная монастырская церковь была построена по одному из тогдашних “типовых проектов”, разработанных простыми людьми для строения “клетцких” церквей. В пользу этого предположения говорит бедность обители, о которой сообщает “приправочная книга”: “А в монастыре игумен Харлампий, да поп черный (то есть монашествующий священник), да 11 человек братии живут в кельи”. О жизни этих насельников монастыря известно немного. “Приправочные книги”, тяжёлые дела и различные доношения ливенских воевод фиксируют количество пахотных земель и численность крестьян, принадлежащих монастырю.

Была у монастыря и мельница, “что в Ливнах на посаде, в большом остроге на реке Ливне, на ней два колеса, строена из государевой казны”, предмет отчаянной зависти Ливенского стрелецкого полка. По сообщению орловского краеведа Пясецкого, стрельцы как-то попытались захватить ее явочным порядком: заняли, поставили свой гарнизон, а монастырский обслуживающий персонал выгнали. Дело разбирала Москва и присудила мельницу монастырю. Захватчики с позором убрались, но военных действий не прекратили. Москва, которой, видимо, надоели непрерывные тяжёлые дела из Ливен, приняла соломоново решение: государь Михаил Федорович отписал мельницу на себя и велел отдавать доходы с нее в приказ Большого Дворца.

Единственной рабочей силой монастыря была малочисленная монастырская слободка. В ней проживали: “крестьяне Ефим Степанов да Федор Гаврилов, да бобылей (одиноких крестьян) 6 дворов”. Причем, эти люди не были кабальными работниками. В то время на монастырских землях селились свободные крестьяне по вольному найму. Конечно, рабочих рук не хватало, и монахи находились в постоянных трудах: рубили дрова в отведенном участке

Красного леса, косили сено, ловили рыбу, обслуживали мельницу.

В монастыре в разные периоды его существования имелась богадельня, в которой жили потерявшие трудоспособность рабочие, нищие и убогие кормились от монастырской трапезы. Трапеза же за все 174 года существования монастыря была общей, что сами добывали, тем и питались.

Но Харлампий с братией, люди, оставившие большой след на ливенской земле, изо всех сил заботились о церковном убранстве, декоративности, внешней пристойности церкви. Уже в дверях монастыря посетителей встречали “деисусы, писанные на оба лица, да двери церковные на прозелени”. А в церкви образ чудотворца Сергия “подница штилистовая обложен серебром, да образ Сергия на прозелени, образ Николы Можайского на рези (видимо, резной?), образ Благовещения Пречистой Богородицы на золоте”.

Остается только сожалеть о том, что эти сокровища Сергиевской церкви не дошли до наших дней. Но уж очень много и тогда было охотников до серебра и золота. В 1618 году гетман Сагайдачный с запорожскими казаками ограбил Ливны, перебил много местного люда и поживился монастырским добром.

Тем не менее, в тот период Сергиевская церковь уцелела, беда пришла к ней много позже. Харлампия сменил игумен Иона, за ним правил иеромонах старец Моисей. И тот и другой запрашивали документы на монастырскую землю, чтобы отбиваться от желающих попользоваться ею.

Через тридцать два года после первого упоминания о Сергиевском храме, в 1647 году, монастырь сгорел. Причины пожара неизвестны, но по донесению воеводы Ладыженского начался он в деревянной церкви Николы Чудотворца, еще одной, построенной в монастыре в период между 1620 и 1647 годами. Монастырь выгорел полностью, а с ним и большая часть города. Но вот монастырская летопись сообщает, что четвертый по счету игумен монастыря, иеромонах Иосаф, закончил постройку каменной Успенской церкви с приделом в честь Сергия Радонежского.

Создавая свой храм, игумен выбрал для него форму корабля (православные церкви строились в форме корабля или в форме креста). Носовой частью является апсида — полукруглая алтарная часть, обращенная на восток. За ней следует первый придел в честь иконы Успения Божией Матери — высокий, как капитанский мостик, увенчанный барабаном с пятью куполами-главами. И, наконец, сам

корабль — второй придел с малым алтарем, посвященным Сергию Радонежскому. Это уже почти тот самый храм, который мы знаем сейчас. Почти, потому что второй придел был поначалу небольшим. Но через малое время после “сдачи в эксплуатацию” Преосвященный Платон, Архиепископ Сарский и Подонский, приказал расширить придел в честь Сергия. Но и этот архитектурный облик храма не был окончательным.

По писцовым книгам в это время в монастырской слободке 19 дворов, а мужского населения в этих дворах 80 человек. Но петровские реформы с их непрерывными войнами быстро сокращают численность слободки.

И опять начинаются неприятности. Пожили в спокойствии после Иосафа только игумен Терентий (1669 г.) да игумен Матвей (1678 г.). В 1699 году игумен Алексей I опять требует от думного дворянина и воеводы Семена Петровича Неплюева подтвердить право владения на монастырских крестьян и для этого “дать выпись” из старых писцовых книг.

Беда Сергиевского монастыря в том, что он не имеет достаточно высоких покровителей. В 1723 году архимандриту Иосафу (Шебашову, известному в летописи монастыря как игумен Иосаф II) “велено было учинить опись во всех церквах curiousным старым вещам и, отобрав таковыя диковинные вещи, прислать их в Святейший Синод”. По результатам этой описи преосвященный Леонид, архиепископ Сарский и Подонский, нашел, что Ливенский Сергиевский монастырь слишком малочислен и беден. И в 1725 году приказал “Волховского Оптина монастыря архимандриту Лаврентию вывести в свой монастырь всех монахов Ливенского Сергиева монастыря, а церковную утварь и монастырское строение описать”.

Но тут за монастырь решительно вступились жители города. Чтобы продлить его существование, монастырские вкладчики, братья Антипий и Иван Костромитиновы, обещались перед епархиальным начальством построить вокруг монастыря ограду и исправить все имеющиеся в нем ветхости. Ходатайство Костромитиновых было уважено, и монахи пока возвращены для службы Божией.

Еще более яркой страницей монастырской жизни, отражающей борьбу между священноначалием и монастырем, является “бунт игумена Феодосия”, датированный 1728 годом. После кончины архимандрита Симеона монастырь некоторое время был без

настоятеля. Братия во главе с казначеем Антонием и Ливенский воевода Евфимий Никитич Елагин с гражданами обращаются к преосвященному Леониду, архиепископу Сарскому и Подонскому, с прошением. В нем они просят, чтобы архиепископ произвел в сан архимандрита и назначил настоятелем Ливенского мужского Сергиевского монастыря иеромонаха Феодосия. Прощение отвез сам Феодосий и через некоторое время вернулся в Ливны с указом, согласно которому он становился игуменом обители. Но в то же самое время в Ливенское духовное правление прислан из Москвы указ, повелевающий протопопу Алексею Егорову, сыну Мишину, совместно с игуменом Феодосием переписать в Сергиевском монастыре и церкви все вещи как-то: “образа, книги, ризы, колокола, всякую утварь, в монастырской казне всякие крепости и деньги, письма, медную и оловянную посуду в кельях монастырских и игуменских, всякий хлеб и всякое строение, на конюшенном и скотном дворах: лошадей, коров и всякий мелкий скот”. Получив этот указ, игумен Феодосий отказался его выполнять и “по упорству своему не допустил до описи протопопа”. Когда протопоп Алексей Мишин донес о своевольном поступке игумена, то последний “ушел неизвестно куда, оставя монастырь”.

Такого решительного и отчаянного противодействия Преосвященный Леонид совершенно не ожидал и “указ о закрытии Сергиева монастыря” повис в воздухе. Два года архиепископ не предпринимает ничего: не посылает новых указов, не настаивает на расформировании монастыря, но и нового настоятеля ему не дает. Своим чрезвычайным поступком Феодосий показал всю силу недовольства, скопившегося в обители и в городе, не хотевшем расстаться с обителью, и таким образом, оттянул уничтожение монастыря на несколько десятков лет. Неизвестно, что случилось с ним самим: прибился к другому монастырю в качестве рядового монаха, ушел в вечное странствие по Руси вместе с богомольцами или нашел укромное место для ведения отшельнической жизни? Любой из этих вариантов был для него возможен.

А ливенцы, выждав время, обращаются с новым ходатайством. На этот раз новый Ливенский воевода Тит Еремеев Косиченский “с священниками, причетниками и градскими жителями” предлагает на должность игумена иеромонаха Иосафа по фамилии Мишин, который доводится родственником уже упомянутому протопопу Алексею Мишину.

Возведенный в сан архимандрита и назначенный игуменом, Иосаф Мишин немедленно начинает строительство каменной монастырской ограды и такой же колокольни. В 1734 году строительство завершено. На втором ярусе колокольни Иосаф устроил церковь во имя Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы.

И в таких условиях братия реализует последний завет преп. Сергия — ведет большую просветительскую деятельность. Имеются сведения о наличии у монастыря в городе книжной и иконной лавки (для сравнения, первый светский книжный магазин появился в Ливнах только в начале XX века).

По генералитетной переписи 1738 года в Ливнах насчитывалось 26817 жителей: на 10 тыс. больше, чем в тогдашнем Воронеже. Школ же — ни одной. Работу по организации правильного обучения берет на себя следующий за Иосафом III игумен, Алексей Щеглов.

В монастыре постоянно обучаются грамоте дети работников монастырской слободки. Двух из них — Сеньку да Кирюшку Горностаевых — монахи подготовили так хорошо, что «детеныши» сумели занять места подъячих в Ливенской съезжей избе.

Смерть Алексея оставила монастырь без авторитетного и уважаемого главы, и, воспользовавшись этим, священноначалие назначает на вакантный пост игумена «инока украинской породы» Порфирия Рахинского. Пришелец в городе, не имеющий в нем ни родственных, ни дружеских связей, Рахинский не дорожил монастырем. И он покорно и быстро проводит перепись-инвентаризацию. В 1766 году

Сергиевский храм.
Начало XX века.

(по некоторым другим источникам — в 1768) монастырь был закрыт.

Но это решение уже было связано с воцарением Екатерины II, которой потребовалось немалое количество земель для того, чтобы наградить участников дворцового переворота. Не помогли ходатайства жителей города, угождая Ливенского Сергиева монастыря были дарованы поручику Растопчи-ну, сыгравшему какую-то роль в заговоре. Но это уже не монастырская, а политическая история, которая всегда замешана на алчности и крови. Монастырские иноки несли свои послушания, труды и молитвы не для нее, а для того, чтобы создать то духовное силовое поле, которое и сейчас пропитывает стены Сергиевского храма, которое помогало ливенцам жить и хранить веру православную в самые трудные времена. Сергиевская церковь была обращена из монастырской в приходскую городскую. Но для того, чтобы жизнь храма шла принятым в миру порядком, пришлось пристроить еще одно помещение: притвор — прихожую церкви, в которой в наши дни стоит канунный стол и служатся панихиды. Так здание приняло свой окончательный вид.

И радуется горожан своей соразмерностью и красотой — скромной и неброской, как природа нашего края. И такой же неувядающей от времени и невзгод, как вечные небеса над его куполами.

ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ НЕ ИСЧЕЗНЕТ

реди насельников Ливенского Сергиевского монастыря бывали самые разные люди: крестьяне и дворяне, уроженцы дальних мест и жители Ливенского уезда. Но особое место среди них по праву принадлежит Алексею Щеглову. Отчества его теперь никто не узнает, известно только, что архимандрит Алексей был родом из крестьян села Лютое (Георгиевское тож, — добавляет монастырская летопись), что пришел в монастырь в юношеском возрасте после смерти своих родителей, чтобы выучиться грамоте. Выучился и остался в монастыре рядовым монахом. Но большие и постоянно пополняемые знания, хозяйственная сметка, свойственные ему, заставили братию обители предложить его кандидатуру на пост настоятеля монастыря.

Редкий это был настоятель. Ни при ком другом обитель так много не строила. Именно Алексей Щеглов закончил монастырскую каменную ограду, расширил в 1746 году придел преподобного Сергия Радонежского в Успенно-Сергиевской церкви, построил на реке Кшени монастырскую мельницу о четырех поставах. Устроил на колокольне “боевые часы” (т.е. часы с боем).

При Алексии, большом любителе книг и любознательном человеке, устроена в монастыре “Русская школа” — училище для детей духовенства и ливенских мещан. Обучение в ней продолжалось сначала пять, затем семь лет. Мальчики осваивали чтение, письмо, счет, церковное пение, ирмологию, иконопись. После окончания школы ее ученики становились дьячками в церкви, приказчиками у купцов, мелкими чиновниками.

Но не в этом оказалась слава Алексия. Бог одарил этого необычного во многом человека не только умом, талантом и разумением, но и великим даром любви ко всем и вся, которая проявлялась в самых разных чертах его характера. Щедрый, он преподнес родному селу необыкновенный подарок. По его инициативе и на средства монастыря была построена в Лютом в середине XVIII века каменная церковь.

“Нрава же он был такого кроткого, что некоторые из подчиненных ему монахов делали ему великие досады, но он все это сносил терпеливо. Перед кончиною воспринял образ схимонашеский с

именем Авраамий, умер в 1764 году и погребен подле большой церкви на правой стороне, на гробе его лежит большой брусковый камень”.

Что имеем — не храним, потерявши — плачем. Эту кротость и незлобие оценила братия монастыря, похоронив Алексия-Авраамия на самом почетном месте — вплотную к стене храма. Но спустя двадцать лет оказалось, что милостивый Алексей умеет быть и грозным, что Господь не дает в обиду своего праведника. Легенду о могиле Алексия записал в 1915 году священник Василий Понятовский.

“Житейская рассеянность, неверие и нечувствие, — пишет о. Василий в своей “Истории Ливенской пещеры” — холодность и окаменение сердца не дали места должному вниманию к монастырской усыпальнице... Построили в этом месте обыкновенный дом, а усыпальницу превратили в погреб, чтобы не тратиться на копанье. Снесли, надо думать, бывшие надгробные камни, подобные одному, чудесным образом оставшемуся в ограде Сергиевской церкви на могиле архимандрита Алексия. В ту ночь, когда его (камень) перенесли на порог одного дома, хозяину этого дома было такое страшное видение, что он немедленно утром возвратил камень на прежнее место”.

Так и лежит этот камень попрежнему на могиле. Только теперь он скрылся под новым нарядным надгробием, возведенным в память Алексия Щеглова заботами отца Леонида Илькевича. Достойный дар принесен памяти незаурядного человека в 80-е годы нашего века.

ИНОК ХАРЛАМПИЙ И СТАТСКИЙ СОВЕТНИК КАРИШЕВ

События 1858 года взбудоражили тихую рутину приходской жизни с ее венчаниями, отпеваниями, молебнами о здравии и т.д. Ведь в этом году в Ливнах начались чудеса! Но не стоит пересказывать события языком нашего века, века ироничного и рационального. Пусть тот, кто видел их воочию и собирал о них сведения, сам расскажет о случившемся. Дадим слово настоятелю Ливенского Сергиевского храма протоиерею Луке Ефремову.

“Орловской губернии в городе Ливнах, издревле славившемся благочестием, в недавние годы чудное дело открылось, которое и теперь еще продолжается, дело не малое, а великое; не вещественное, духовное, религиозное.

В сем городе, на том самом месте, где был мужской Сергиев монастырь, упраздненный тому назад около уже ста лет, есть дом купца Тюпина, а прежде он был другого владельца. Когда бывшая хозяйка означенного дома в день Светлого Христова Воскресения вошла в погреб свой (теперь он называется пещерою) для взятия там чего-то нужного к столу, то, принимаясь за вещь, сказала: “Христос воскрес!”, а ей на это, во множестве голосов, невидимых, отвечали: “Воистину Воскресе”. И, конечно, сей ответ был от покойников, там в свое время погребенных... Женщина, в большом испуге возвратясь оттуда в свою горницу, возвестила о том своим домашним. Через них и через нея весть об этом случае скоро разнеслась по городу, а время от времени и по всей окрестности онаго. В особенности же к усилению этого слуха послужил следующий случай, скоро за тем бывший. Во время квартирования Селенгинского пехотного полка в городе Ливнах занимал квартиру в доме Тюпина 11-й роты штабс-капитан Иван Грабовский. К нему ночью, когда он лег спать и еще не засыпал, является монах в клобуке, старый и седой, и, толкнувши его в плечо, сказал: “Встань!” Капитан в испуге вскочил и спрашивает: “Что тебе надобно?” Монах отвечал ему: “Возвести обо мне своему и духовному начальству, что я нахожусь в погребе под этим домом, но я не один, еще есть несколько со мною”. Сказавши это, монах скрылся. Грабовский в ту же минуту обратился к денщику своему, говорит ему: “Догони

монаха и спроси у него, как его зовут”. Денщик в недоумении отвечает: “Какого монаха?” “Как какого? Разве ты не видел, что он сию минуту был у меня?” “Нет, я никого не видал, да и никого не было”. Грабовский, увидевши, что это было чудное для него видение, на следующий день утром объявил о том и своему полковнику, и духовному начальству. В настоящее время, как видно, во всех краях России стало это известно и обратило большое внимание на это бывшее монастырское место. Теперь люди сотнями и тысячами стали притекать в город Ливны с просьбою в означенной пещере служить молебны Спасителю и Тихвинской Божией матери пред образами их, а иногда святителям Митрофанию и Тихону, а по молебне отправлять панихиду по покойникам, в том бывшем монастыре почивающим. В той пещере прошения их священник выполнял и выполняет. Во время таковой службы в течение нескольких лет были чудесные исцеления, записанные в книгу, выданную градским благочинным священно- и церковнослужителям Сергиевской церкви, принадлежащей некогда означенному Сергиевскому монастырю и находящейся близ самой пещеры, из них укажу только на некоторые.

Ливенской подгородной казачьей слободы государственная крестьянка Анна Павловна Проскурина объявила, что у сына ее, трехлетнего мальчика Стефана, в 1858 году на первой неделе Великого Поста, в воскресенье, все лицо и лоб покрылись струпьями, веки на глазах затянуло, и все это было в большой опухоли, отчего сын ее Стефан 25 недель ничего не видел. Весною, до праздника Вознесения Господня, явился Проскуриной во сне старичок в белом одеянии, волоса у него на голове и бороде седые, и приказал ей сходить в выход под горою, против церкви, взять в нем песку, налить чистою водою и умывать ею больного сына, и что он будет здоров. На другой день после сего Проскурина пошла в выход купца Тюпина, но ее не допустили. После праздника Вознесения Господня тот же самый старичок явился ей третий раз во сне и приказал ей сходить в выход, говоря: “Если ты не пойдешь, тебе грех будет”. На другой день после сего Проскурина пошла к выходу, и была допущена в него. Там она взяла песку, дома налила его свежю водою и ею умывала больного сына, отчего ему сделалось лучше, но веки на глазах не открывались. После праздника Петрова дня, как помнит, во вторник, обещалась она сходить, отслужить панихиду, и в субботу на той же неделе, перед всенощным бдением, веки у ее сына Стефана

разом открылись, но на обоих глазах открылись большие бельма, которые постепенно сходили в течение двух с половиной месяцев, почти сошли. В настоящее время у него остались признаки бельма, и теперь он видит обоими глазами. Панихиду служить Проскурина приходила уже зимою.

Грайворонского уезда, Борисоглебской пустыни, рясофорная послушница Евдокия Миллер, 37 лет, имела изсохшую от ревматизма руку, которую 4 года носила привешенную. Во сне представилось ей, что кто-то к ней стучится, и на отклик ее получила ответ: “Я Харлампий” — и явился к ней монах среднего роста, клобук низкий, говоря: “Ты только имей твердое желание, и все тебе исполнится и ты получишь благодать Божию”. Далее больной представилось, что она в пещере, где отворена решетчатая дверь и по обе стороны от входа в стенах два монашеских лика, в числе которых явившийся Харлампий, этот дал ей песку, и она сухою рукою так сильно сжала данный ей во сне песок, что по пробуждении видны были знаки пальцев на ладони. После этого, по прибытии в пещеру, которую она видела во сне, она вложила больную руку в скважину, из которой берут песок, потеряла им руку и начала читать псалмы Давида, и в ту же минуту начала двигать изсохшей рукою, как здоровою, и даже могла держать Псалтырь.

И слава Богу! Православные христиане славят за сие Господа, благодарят Его, и с намерением помолиться о покойниках на месте, прославленном чудесами, и себе попросить от Бога милости, они со всех сторон нашего отечества толпами, начиная с последних дней весны и во все лето, приходят в преславный город Ливны. По приходе они охотно и скоро стремятся к Сергиевской пещере для поминания покойников монастырских.

Были случаи, что некоторые из людей сильных, смотря на народ, толпами притекающий с разных сторон для поминания покойников, погребенных на месте бывшего монастыря, глумились над ними и старались прогонять их, но как раз таковое стечение народа было действием промысла Божия — оно возникало свыше, то, что Бог устроил, можно ли человеку расстроить? Ненавистники добра гоняют народ от пещеры, где отправлялись молебны и панихиды, а гонимые идут в Сергиевскую церковь, ближайшую к той пещере, расходятся по другим градским церквям, с мольбою о старцах и вместе о том, чтобы милосердный и праведный Господь избавил их от гонения”.

Рассказ Ефремова ярко отражает две точки зрения на чудотворения в Ливенской пещере, распространенные в городе. С одной стороны — безоговорочная теплая вера, с другой — холодный скептицизм и раздражение. Противники пещеры не могли успокоиться и согласиться с существованием Харлампия и его братии. Вот если бы удалось найти мощи Харлампия, тогда, возможно, они поверят, что в Сергиевском монастыре были Божии угодники. Верующие в Харлампия и его чудеса указывали им на запись в летописи Сергиевской церкви (ныне утраченной), в которую каждый священник вносил свою строчку, записывая значительные события, случившиеся на его памяти. В 1777 году священник Андреев записал в ней, что рабочие, рывшие неподалеку от церкви ров для фундамента его, священника, дома, откопали нетленное тело в облачении и, как они сказали, “в золотой шапке”, в митре. Напуганный таким открытием Андреев велел яму засыпать, фундамент перенести в другое место, а рабочим дал денег, чтобы молчали об этом случае. Испуг священника понятен тем, кто знает, что происходило в это время в государстве Российском. Хотя просвещенная монархия Екатерина II и ходила пешком на поклонение мощам Сергия Радонежского в Троице-Сергиеву Лавру, это было не более чем, как сказал ее современник, “дух видимости без существа дела”. Вот, например, проект наказа Синода в Комиссию 1767 года для выработки нового Уложения. Он был составлен Ив.Ив.Мелиссино, тогдашним прокурором Синода: “В рассуждении Св.Писания ослабить и сократить посты... Очистить церковь “от притворных чудес и суеверий касательно мощей и икон”... А для проведения этого дела “составить особую комиссию из разных не ослепленных предрассудками особ”. Конечно, скромный провинциальный священник как огня боялся этих особ и встречаться с ними и даже переписываться никак не желал. Он уничтожил следы обнаруженного захоронения, но оставил о нем запись в назидание потомству.

Идея проведения раскопок на территории, прилегающей к Сергиевскому храму уже витала в воздухе. Не хватало повода. Он нашелся, когда садовник церкви, высаживая розы на клумбе, расположенной напротив колокольни, вдруг с криком исчез под землей на глазах изумленных прихожан. Прибежали с веревкой, вытянули пострадавшего и увидели, что он провалился в склеп. Слой плодородной земли лежал на крыше погребальной камеры, выложенной из кирпича. Не то раствор выкрошился и ослабел от

времени, не то груз земли, нарастающий с годами, оказался слишком тяжел, но в крыше образовалась довольно большая дыра, а на дне ямы были видны обломки кирпичей, какой-то мусор и человеческие кости...

Городская управа срочно выделила средства, Ливенское археологическое общество — филиал Орловского археологического общества — собралось на свое заседание и поручило надзирать за проведением раскопок, нанимать рабочих, а также проводить научную обработку полученных материалов инженеру Ливенской станции железной дороги, статскому советнику Каришеву. Отчет Каришева, представленный в Орловское археологическое общество, вот уже немало лет активно используется всеми краеведами, пишущими о прошлом Ливен. Но из него сознательно убираются некоторые детали.

Прежде всего, Каришев сообщает, что с помощью железного прута рабочие-землекопы попробовали определить наличие пустот под почвой. Затем стали копать. И обнаружили, что почти все пространство церковного двора буквально заполнено захоронениями. Чаще всего археологам-любителям встречались кирпичные или каменные склепы, своды которых приходилось рушить с помощью ломов. Но пробившись в погребальную камеру, рабочие Каришева не обнаруживали, как правило, ничего, кроме следов сгнившего гроба, черепа и берцовых костей скелета. Попадались медные, серебряные и даже золотые монеты. Попадались неистлевшие женские косы, вытащили даже “детский башмак воловьей кожи, удивительной крепости и прочности”, сколько его ни перебрасывали, ни трепали рабочие — ничего ему не сделалось. Но священника в “золотой шапке” или нетленных тел монастырской братии найдено не было. А между тем, поклонники пещеры и ливенских чудес больше всего мечтали именно об этом. Ежедневно толпы народа сбегались на раскопки — и уходили разочарованные.

Статский советник Каришев тщательно описал и рассортировал найденные монеты, взвесил их, учел отдельно даже солдатскую пуговицу, но — ни слова о конструкции погребальных камер, о их расположении, ни чертежа раскопок...

Единственной крупной находкой было захоронение женщины, на скелете которой сохранились золотые украшения. Каришев утверждает, что она была восточного, возможно, татарского происхождения, но слабо обосновывает это свое утверждение.

Последовательно раскапывая участок за участком, землекопы постепенно приближались к пещере — это место, конечно, интересовало их больше всего. Но тут их ожидало разочарование: поблизости от пещеры захоронений не оказалось. Разговоры об “иллюзиях” и “вспышке слепого фанатизма” поднялись с новой силой, а Каришев собрался сворачивать раскопки, когда вмешался городской голова, почетный гражданин города Ливны Иван Андреевич Васильев. Он прибыл на церковный двор в собственном экипаже и отозвал инженера Каришева в сторонку.

— На удачу не надеетесь, сударь?

— Да ведь сами видите — дело безнадежное.

— А вы бы с западной стороны часовенки покопали. Под стеночкой бы, а?

И Иван Андреевич рассказал о необычном сне, привидевшемся ему накануне ночью. Вот как звучит этот рассказ в изложении Каришева: “Господин Васильев сообщил мне, что, будучи огорчен неудачей наших поисков, он вечером долго размышлял о том, почему не удалось найти никаких вещественных доказательств существования ливенских угодников. Среди прочих размышлений ему пришло на мысль, что вход в пещеру расположен с точки зрения отправления православного богослужения неправильно. Входя в пещеру по лестнице с восточной стороны, мы оказываемся лицом к западной стене пещеры, которая в данном случае служит иконостасом. Но это невозможно, чтобы иноки Сергиевского мужского монастыря служили, обратившись лицом на Запад. В этом есть какая-то странность. С такими мыслями он уснул.

Во сне господин Васильев увидел молодого монаха, который пригласил его за собой и провел в пещеру, необыкновенно красиво убранную, по большой каменной лестнице. И вход в пещеру, как отчетливо помнит г. Васильев, располагался с западной стороны”.

Каришев приказал рабочим рыть в том месте, которое указал Иван Андреевич Васильев. Углубившись в землю на несколько саженей, рабочие скоро обнаружили начало большой каменной лестницы. Несколько суток ступенька за ступенькой уходил ход в землю. Уже можно было определить, что лестница ведет к пещере под основанием часовни, построенной над пещерой в 1881 году. Но когда траншея приблизилась к фундаменту, стена часовни покрылась многочисленными трещинами. Продолжать раскопки было небезопасно. А разбирать новешенькую часовню — жаль.

И Каришев решает прекратить работу и засыпать открытую лестницу.

Несколько месяцев возни с раскопками, разговоры с народом и городские слухи — все это изрядно надоело главному производителю работ. Городской голова как-то опять приехал к церкви и со слезами на глазах махнул рукой: “Зарывайте. Сережа не благословляет”.

“Сережа” — личность, о которой не сохранилось подробных сведений, городской юродивый, странник и провидец. Вел себя, как все юродивые: нищенствовал, говорил загадками. У городского купечества и простого народа пользовался огромным авторитетом. Интеллигенция относилась к нему недоброжелательно.

— Что же сказал сей знатный гражданин? — не без иронии осведомился Каришев.

— Сказал, пусть по-пустому не возятся. Не хочет Харлампий их видеть, передумал, — говорит. Все одно дорога не откроется.

— Ха-а-арлампий, — насмешливо протянул инженер. — Да откуда же ваш провидец знает, что мы ищем именно Харлампия, а не Нестора или Василия?

— Грех смеяться, сударь! Ему дано...

Через двадцать четыре года после описанных событий итог был подведен священником, не оставившим в документах своей фамилии. Он значится как очередной смотритель пещеры, написавший “Несколько мыслей по поводу искания чудес от ливенских угодников и жажды прославления их”. Чтение было произведено на заседании Ливенского отделения Орловского археологического общества, которое проходило 14 февраля 1914 года в здании городской думы.

“...если, кто из мертвых придет к ним, покаются”. /Луки гл.16, ст.30/ Вот эти слова евангельского богача напоминают нам всех тех из нас, которые, искушая Господа Бога, без покорности воле Его, который положил времена и лета в своей власти, который один творит чудеса, как Ему угодно и когда угодно, требуют, чтобы Он открыл нам нетленные тела угодивших ему ливенских угодников, когда даже таких всемирных святых, как, например, Великомученица Екатерина или Георгий Победоносец, остались нам одни кости. Потом требуют, чтобы открыто было сейчас, при нас, когда целые столетия хранятся под спудом и не открываются мощи многих уже прославленных угодников, например Феодосия Киево-Печерского или Тихона Калужского. Что же за причина такого сильного желания явления нетленных тел наших угодников

неприменно в “настоящее время”? Не ошибусь, если скажу: слабость нашей веры христианской вообще и веры в ливенских угодников в частности. Хотят возбудить свою веру в Бога явлением нетленных мощей угодников, и как можно скорее.

Это нетерпеливое искание чудес и чрезмерная жажда прославления угодников при упомянутом отношении может привести к печальным для славы Божией и ливенских угодников последствиям, к каким они привели в 1890 году, когда эта не по разуму ревность, а может, таящиеся в глубине души корыстные виды привели к безрезультатным раскопкам. И естественное последствие таких исканий — охлаждение как к самой пещере, не давшей кладов, так и к угодникам, не явившим нетленных тел. И оправдался закон, живущий вовеки, ведущий маловерящих, себялюбивых, корыстных людей от ханжества к неверию, от “осанна” — к “распни”.

В этих горьких и прямых словах отражены не только неудача раскопок, но и повседневная практика общения священника с “ханжами и маловерами”, которые приходили в пещеру с собственными корыстными видами: служить молебны о благоприятном исходе неправого дела или об освобождении от военной службы, или о выходном торговом заказе. Не получив исполнения корыстных и неправых просьб, такая публика очень негодовала на пещеру и лежащих в ней.

Но по-прежнему оставались искренние почитатели. Это те, кто по-евангельски не требовал от чуда ни научного обоснования, ни точной датировки, ни судебно-медицинской экспертизы. Как отмечал священник, для восприятия чуда необходимо зрение духовное. Рассказам о чудесах верят в том случае, если рассказчик их заслуживает доверия и только. “При некоторых чудесных исцелениях — указывает священник, — Господь посылал всех вон, кроме самых близких родных и учеников, избегая праздного любопытства свидетелей. Для лиц духовной жизни эти вещественные доказательства не нужны и излишни, а для лиц не духовной жизни они не имеют никакого значения, как не имели они значения для фарисеев и саддукеев”. Да и каких новых доказательств можно было требовать, если за годы, прошедшие после первых чудес, книга записей зафиксировала 300 исцелений!

Но объектом этих исцелений и свидетелями чудес были в основном люди из простонародья: крестьяне, мещане, мелкие купцы. Только в этой среде еще сохранялась вера по евангельскому образцу.

Очередной заведующий пещерой, вступивший в свою должность в 1915 году, священник Василий Понятовский отмечает: «Посещение пещеры для них — это удовлетворение не самых частых, но самых насущных нужд окрестных жителей, не могущих быть удовлетворенными нигде помимо по причине дальности расстояния и дороговизны — потребности посещать святые места».

В этот период у посетителей пещеры бывали видения. Богомольцам представляются смиренные, кроткие послушники, прозорливые иноки, легко скользящие по пещере, они слышат то дивное пение, то негромкие слова: «иди с миром, поможем тебе», обоняют небесное благоухание, ощущают благоговейный трепет и т.д.

Посещают жителей города и необычные сны. Так о.Василий записал следующее: «Замечательно, что после временной эвакуации Киева, когда наши граждане собрались бежать, жена ливенского гражданина Василия Федоровича Космина, Мария Космина, 24 августа 1915 года вечером перед сном, в дремоте, видела в пещере 13 иеромонахов и, угнетенная текущими военными событиями воскликнула: «Отведите беду! Минует ли нас?» «Минует» — ответили иноки. И сие сбылось «воочию нашею».

Звездующий пещерой отмечает частые посещения раненых, новобранцев, отправляемых на фронт или в военные учебные заведения. Особенную любовь имели к пещере школьники. Они посещали ее перед началом учебного года с родителями, а во время учебного года заходили одни, особенно во время экзаменов, чтобы захватить горсть песка и положить его между страницами учебника. Считалось, что это помогает усвоить предмет и хорошо сдать экзамен. Больных же детей «приводят и приносят бесчисленное число».

Это время наибольшего расцвета, наибольшей славы пещеры. Книга ее чудес хранилась в Сергиевской церкви и была утрачена вместе с летописью церкви, о которой упоминает священник. Но отдельные записи наиболее поразительных чудес были бережно сохранены прихожанами.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ МЕСТА СЕГО

ного веков существовал древний Успенно-Сергиевский монастырь, от которого у нас в настоящее время остались только два памятника: монастырская Успенно-Сергиевская церковь и пещера возле церкви на месте усыпальницы, где погребались иноки монастыря.

На всяком христианском кладбище есть угодившие Богу. На монастырском кладбище их гораздо больше, как это знает всякий, хотя бы немного поживший в монастыре. А в усыпальнице древней обители, существование которой восходит к началу христианства в нашем отечестве, когда православная вера на Руси была более действенная, более жизненная, подобно, как в первые века христианства, рождала мучеников, подвижников, отшельников, угодивших Богу, было гораздо больше, и сами угодники без всякого сравнения были возвышеннее, святее позднейших и современных нам благочестивых людей. По одному уже этому Ливенская пещера заслуживает глубокого почитания и благоговения. Находясь в ней, мысленно переносимся к началу христианства на Руси, к преподобным Антонию, Феодосию и другим святым Русской земли.

Сергиевская обитель первоначально образовалась из выходцев Киево-Печорской Лавры после разорения ее татарами и называлась первоначально Успенно-Сергиевскою обителью в память главной Успенской церкви Киево Печорской Лавры.

Но кроме этого Господу угодно было явно прославить это место чудесными событиями, когда корысть, холодность, невнимание людское к этому святому месту сделали его «мерзостию запустения» — погребом, куда сваливали сырые кожи с павших животных.

В 1764 г. после многих, многих бедствий за время своей жизни Ливенская обитель прекратила свое существование по случаю сокращения штатов монастырей. Иноки переведены были в Оптину пустынь. Земля монастырская с крестьянами была отдана графу Растопчину.

В 1772 г. были срыты и самые стены монастырския по указу, вызванному ходатайством граждан для удобства строения домов по новому плану после большого пожара, бывшего перед этим. И прямо же по сношении стен, стали на этом месте строить дома. И место

Стиль и орфография сохранены.

пещеры, монастырского кладбища, отвели под постройку обыкновенного дома. Первый на этом месте стал воздвигать домашняя постройка местный протоиерей Ливенского собора Андреев в 1777 году.

Но Господу Богу угодно было явить чудесное знамение для прославления сего места, чтобы люди по своей рассеянности не забыли его совсем и не сравнивали его с землей. Когда рабочие рыли фундамент, они нашли целый, неповрежденный гроб с нетленным телом в митре, или, как выражается летописец языком рабочих, “в золотой шапке”. Это было тело погребенного здесь архимандрита. Пораженный этим открытием, протоиерей не посмел дать официальную огласку этому событию и велел рабочим поставить опять гроб на прежнее место, но всю жизнь свою хранил благоговейную память о сем событии, делясь воспоминаниями о нем со своими родными и знакомыми, со слов которых и записал это летописец Сергиевской церкви.

Тихо и безмолвно подготавливалась почва к прославлению сего места, чему способствовало также благоговейное воспоминание жителей о святой, всем известной жизни первого игумена Харлампия, но еще не готова была к открытому почитанию.

Через 80 лет после упомянутого чудесного события Господу Богу угодно было прославить это место еще двумя чудесными событиями, чтобы растворить окаменелые сердца окружающих и побудить к почитанию его. Дивный во святых своих, Господь не потерпел дальнейшего поругания сего святого места и еще явил чудесные знамения для прославления его.

о. Василий Понятовский,
заведующий ливенской пещерой.
17 августа 1915 года.

СЛУЧАИ, ПОБУДИВШИЕ В ГОРОДЕ ЛИВНАХ ТВОРИТЬ ПАМЯТЬ О СТАРЦАХ СЕРГИЕВСКОГО МУЖСКОГО УПРАЗДНЕННОГО МОНАСТЫРЯ

Особо характерный поразительный случай исцеления от почившего в Ливенской пещере игумена Харлампия и других с ним, рассказанный в 1915 г. 1 августа заведующему Ливенской пещерой священнику Василию Понятовскому в присутствии Ливенского городского головы Ивана Андреевича Васильева схимонахиней женского Марие-Магдалинского монастыря Елевферией Игнатъевной Ивановой, урожденной Проскурниковой, крестьянкой Воронежской губернии, Землянского уезда, села Нижней Грайворонки.

*“Тайну цареву прилично хранить,
а о делах Божьих объявлять похвально”.*
/ Тов. XII.7 /

Лет 60 тому назад, когда я была девушкой лет 16-ти, у меня страшно заболела левая нога; до колена она была очень большая и твердая опухоль, а ступня была вся черная, как уголь. Боль была нестерпимая: нельзя было “ворохнуться”, и я неподвижно лежала. Я была сирота и жила у дальних родственников — благодетелей-старичков. Докторов тогда не было в нашей местности. Простые лекарства никакие не помогали. Жена умершего фельдшера говорила: “Не трогайте ее и не дражните — это антонов огонь. Если бы в городе, то отрезали бы, это, должно, смертное. У нас был такой случай: лопнула нога, и человек умер”. Так и порешили: пусть я умру, благо, что я сирота, плакать дюже некому. В конце Пасхи, приблизительно через месяц от начала болезни, приезжает из Ливен мой дядя, торговый крестьянин того же села. Он был в Ливнах на третий день Пасхи в то самое время, когда Тюпина услышала в погребке чудесное “Христос воскрес” и когда молва об этом чуде только что начала распространяться, и привез с собою из Ливенской пещеры, тогда называемой погребком, песку с водой. Тетка принесла мне этой воды с песком и велела, чтобы я просила Ливенских

угодников и приложила песок к больной ноге. Я со слезами стала просить Ливенских угодников и приложила к ноге песок с водой. До сих пор в ноге был жар, но как приложила, почувствовала озноб и попросила, чтобы меня перенесли на печку. Меня кое-как "взволокли" на печку со страшными для меня муками и положили головой назад, а ногами вперед, оставили меня одну. Было поздно вечером, но еще не совсем темно. Я от сильного мучения закрыла глаза. Перед моими глазами была дверь, и слышу я, что в хату вошли двое. Я открыла глаза и вижу наяву: один инок в клобуке монашеском, с костью, другой — священник в облачении. Инок обратился к иконе и истово поднял руку, чтобы перекреститься, а священник сказал: "Харлампий! Вот болящая, которая призывает нас". А инок Харлампий говорит: "Я хочу исцелить ее", и подходит к печке и поднял передо мной свой костьлик. Мне показалось, что он хочет меня ударить; я страшно испугалась, вскрикнула и сделалась без памяти. Родные вошли ко мне на крик и подумали, что я умерла. "Я говорил, — сказал хозяин, — что не туши свет". Засветили огонь, кинулись ко мне и говорят: "Она умерла". Пошли за соседкой, пришла соседка. А я была мертвенно бледной и без дыхания. Тогда соседка сказала: "Она жива" и намочила мое темя Ливенской водой и дала в рот. Первый раз вода вышла, а в другой раз я проглотила. Тогда сказали: "Она жива, давайте ее снимем с печки — хотя на постели умрет". Тогда меня сняли, положили на постель. Я все была без чувств. Когда клали, увидели — ноги мокрые, развязали — все мясо отпало от ступни, осталась одна голая кость. Когда я пришла в чувство, хотела тронуть ногу, подумала, что она отвалилась и почувствовала легкость. С этого дня нога стала лучше, и так продолжалось, пока она не заросла совсем.

Сейчас я нахожусь в женском Марие-Магдалинском монастыре с самого его основания, лет 30-ть. В первых годах моей монастырской жизни я была пономаркой, т.е. прибирала церковь. Однажды, когда я конопатила высоко вверху окна, упала с лестницы навзничь и была без сознания, и получила сотрясение мозга с влиянием на сердце, как признали доктора. И они удивлялись, как не отвалился череп. Открылась рвота целыми неделями без перерыва, а с перерывом месяцами и годами. Несколько лет я даже не причащалась, все свое имущество пролечила.

Наконец доктора отказались и признали мою болезнь неизлечимой. Тогда я стала просить ливенских угодников и говорила:

"Игумен Харлампий с братией. Вы помогли мне, страдавшей в миру, и теперь помогите мне, страдающей в обители". Я плакала дуже, молилась больше лежа по причине боли, и однажды в Филипповку прошлого 1914 года задремала. Вдруг слышу — вошли опять двое, и слышу, одни говорят другому: "Вот больная, а в Ливны, в пещеры, не едет к угодникам". Я думаю — кто такие, и хотела спросить, но говоривший вперед узнал мои мысли и продолжал: "Мы посещаем немощных, вот идем в Ливны, поедем — Господь поможет тебе и угодники". Я заплакала при этих словах, открыла глаза и увидела наяву Харлампия и священника, как в первый раз в таком же виде. И они сейчас же скрылись. Тут же я дала обещание: как только соберусь с деньгами (у меня ничего не было — все пролечила), не посмотрю ни на что, сяду в поезд и уеду в Ливны. Мясоедом явились мне во второй раз уже трое: Харлампий, священник и жена полная в одежде, в каких рисуют святых жен на иконах. Жена выступила вперед и сказала: "Вот страдальца, надо ей помочь". Харлампий говорит: "Пусть идет в Ливенские пещеры". Я думала, что мне очень трудно без денег и при своей слабости собраться и ехать, а Харлампий угадал мои мысли и продолжал: "Бог поможет тебе, положишься на Бога, Бог тебе все сделает".

И я прямо же 28 собралась. И Господь невидимо послал мне денег на дорогу: одна монахиня сама назвалась мне ими. И я почувствовала силу и возможность, и в тот же день, благословившись у матушки игумении, отправилась одна, даже без провожатой. В этот день мне не пришлось побывать в пещере, как сказал мне священник, опоздал поезд, а я пришла в пещеру уже на другой день по приезде в Ливны, отслужила в пещере молебен всем святым, панихиду по угодникам, с горячими слезами. И теперь я здоровая и веселая, так что меня на первый взгляд и узнать нельзя против прежней, как мне говорят, возвращаясь в монастырь.

В прошлом году в это время ко мне заехала из Ливен знакомая петроградская жительница Анна Яковлевна (фамилию не упомяну) духовной жизни. Она рассказала мне, что она 2 дня пробыла в Ливнах: не высылали долго лошадей из деревни, куда она ехала. Думала было сходить в "склеп" (так она называет Ливенскую пещеру), да не пошла. Прошлый год была там, говорила, что она ничего не ощущала. "Смотри, погрешешь", — сказала я ей и рассказала про исцеление и другие чудеса. "Не знаю", — ответила она мне. Дня через 3 после этого, смотрю Анна Яковлевна опять

приходит в монастырь ко мне из деревни пешая и говорит: “Приехала я от тебя домой и заснула. Является ко мне иеромонах и говорит: “Что же ты не имеешь веры в Ливенских угодников — смотри”. И я увидела Ливенский склеп и оттуда множество идущих монахов. Один впереди всех с костыликом и священник был с ним. И священник, указывая на инока, шедшего впереди, сказал: “Вот игумен Харлампий, начальник над всеми”. И я проснулась”.

Что все написанное в этой рукописи было в моей жизни и точно записано с моих слов, свидетельствую перед Богом.

Схимонахиня Елевферия, а по ее малограмотности и личной просьбе расписалась Орловской губернии Ливенского уезда, женского Марие-Магдалинского монастыря рясофорная послушница Татьяна Латынина.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ

Вонец девятнадцатого — начало двадцатого века были для Сергиевской церкви временем своеобразного расцвета. Указания на него сохранились в воспоминаниях такого знаменитого сына Ливен, как философ Сергей Николаевич Булгаков. Он утверждает, что Сергиевский храм для него, его братьев и друзей был “одновременно и святилищем, и источником восторгов и красоты”. “Он весь был голубой софийный: особо стояла колокольня, особо храм, род удлиненной базилики, но какой уютный, теплый с теплом намоленных икон, чтимой иконы Тихвинской Божией матери”. Конечно, немалую часть восторга С.Н. Булгакова можно отнести за счет своеобразного “приходского патриотизма”. Для прихожанина определенной церкви храм его прихода был и самым красивым, и самым значительным в городе. Но если отбросить это чувство, остается немало. Высокая культура пения, сохранившаяся от монастырских традиций, церковная библиотека, чтимые старинные иконы, преданные прихожане...

Начиная с 1858 года, с открытия чудотворений в Ливенской пещере, к храму потоком идут паломники из окрестных уездов и даже из Воронежской и Тульской губерний. Большое количество их заставило сначала учредить должность священника, служащего в пещере панихиды, а затем в 1881 году возвести над пещерой часовню с шатровой крышей, “в честь Государя императора Александра III”. Украшается и открывшийся источник игумена Харлампия. Над ним также возводится небольшая островерхая часовенка в том же стиле, как и часовня над пещерой. Безмятежно звонят в праздничные и воскресные дни девять старинных колоколов Сергиевской колокольни, самый большой из которых отлит во времена царствования Анны Иоановны.

Но чем дальше, тем больше возникает напряженности в жизни храма и прихожан. Беды и тревоги, общие для православной церкви, для всей России, не обходят храм стороной. Процесс оскудения православной веры, особенно ощутимый с того момента, как Россия вступила на капиталистический путь развития, меняет обстановку в Сергиевской церкви. Можно ли было представить в начале XIX века, что в храме можно держаться неблагоговейно? “Когда приходилось

нам, — возмущенно восклицает один из иереев на страницах "Орловских Епархиальных ведомостей", — проводить богослужение в благоговейной тишине, которая приличествует литургии?! Народ точно забыл где находится, что перед ним происходит. Постоянный слитый шум разговоров, порой смешки".

Многие беды идут от уплотнения, материализации жизни, погони за прибылью во что бы то ни стало. Этот капиталистический, материалистический дух войны всех против всех проникает во все поры русского общества и остро ощущается жителями Орловской губернии. "Каждое сословие думает только о собственных нуждах, забывая за мелкими личными интересами общий великий русский интерес, каждый готов продать Родину оптом и в розницу, лишь бы получить для себя прибыль" — пишет в Епархиальных ведомостях ректор Орловской духовной семинарии В.И.Сахаров. Слова его справедливо и точно рисуют обстановку в стране и в Ливнах тоже.

Пошима, что надеяться на светскую школу нечего, православная

Центр города был полон церквей и колоколен.

церковь развивает сеть церковно-приходских школ, которые, по мысли своих создателей, должны стать, помимо образовательных учреждений, еще и миссионерскими центрами.

В 1903 году старое помещение "русской школы" под колокольной после почти столетнего перерыва вновь приводится в порядок. При Сергиевском храме открывается четырехклассное церковно-приходское училище, которое посещают дети беднейших прихожан. Преподают им русский язык, арифметику, историю, Закон Божий, церковное пение. Помимо всего этого проводятся, ставшие традиционными, "воскресные чтения". Это нечто вроде небольших концертов, которые ученики школы готовят для родителей и для всех желающих. На них исполняются песни духовного содержания, читаются отрывки из житий святых, разыгрываются маленькие пьески, также на религиозные темы.

В отчете о проведении чтений свящ. Дмитрий Соколов сообщает, что родители охотно посещают эти чтения, и польза от них очевидна, неплохо бы распространить этот опыт на другие приходские школы уезда.

Вообще, священство Сергиевского храма очень много времени и сил отдает педагогике. Стоит только посмотреть списки преподавателей учебных заведений г.Ливны. В реальном училище преподает Закон Божий о. Дмитрий Соколов, в женской гимназии законоучителем трудится о.Николай Покровский, в женском училище Горбовых — о.Василий Понятовский. Ученица о.Николая Покровского Л.И.Дорофеева на всю жизнь запомнила своего законоучителя: "Он был высокий седой старик, что называется "маститый", величественный такой. Когда шел по коридору, всегда нес под мышкой классный журнал. И говорил мало, только по делу. Но двоек никому не ставил. Только хмурился, морщился и сажал обратно за парту. Мы не боялись его. А вот выучить урок плохо стыдились. Так его огорчали наши неудачные ответы.

Накануне Рождества отец Николай очень много времени проводил в классе. Рождество мы праздновали в гимназии. Были елка, подарки, рождественский концерт. Всем этим батюшка Николай занимался сам. Это было его любимой работой. Он раздавал нам стихи, учил с нами песни. Даже водил хоровод вокруг елки. Не узнать тогда было всегда строгого и чинного отца Николая!"

Свет добра и любви, который осветил начало жизни Лидии Ивановны и ее подруг, исходил от отца Николая Покровского.

Немало его трудов в том, что гимназия стала для многих девочек родным домом, а Рождество — самым любимым праздником.

20 марта 1916 года педагогический опыт этих батюшек был обобщен. В помещении приходского училища при Сергиевском храме прошло совещание учащихся церковно-приходских школ первого благочиннического округа г. Ливны и Ливенского уезда. Приехали ученики и учителя 19 учебных заведений. На эту поездку, питание и проживание в Ливнах в течение двух суток на каждую школу было израсходовано по 15 рублей из бюджета Сергиевской церкви.

Задачи перед совещанием были поставлены серьезные: «обсудить методы преподавания русского языка и выбрать из них те, которые позволяют получать больше успехов, поделиться друг с другом опытом своей учебы, обменяться вообще взглядами». Судя по отчету о совещании, выступавшие говорили с большим знанием дела.

Существенная деталь. О.Дмитрий Соколов, написавший отчет об этом совещании, опубликованный в «Орловских епархиальных ведомостях», в конце этого отчета коротко сообщает, что воскресные чтения одобрены всеми собравшимися, и предложено продолжать их и расширять количество участников. Вывод очень важный, ибо таким образом одобрялась миссионерская работа церкви.

Немало сделали священники Сергиевского храма для восстановления его истории. В 1913 году исполнялось ровно триста лет упраздненному Сергиевскому монастырю. Это событие было отмечено специальным заседанием городской управы и заседанием земства. Священники Лука Ефремов и Василий Понятовский подготовили доклады по истории монастыря. Принимали участие в этой работе, видимо, и другие священники, так как число работ больше двух и они отличаются по стилю, но авторы не пожелали называть свои имена. При подготовке использовались как архивные источники, так и личные наблюдения и городские легенды. Иждивением Ливенского земства работы священников были изданы и составили первую книжку по истории Сергиевского храма, которая «томов премногих тяжелей», потому что источники, из которых брали сведения о.Лука и о.Василий, для нас теперь недоступны.

Первую мировую войну русская православная церковь, как и весь народ, встретила с большим патриотическим подъемом. Но помимо гнева на общего врага и желая отстоять Родину, старцы и священники, архиереи и семинаристы откровенно рассчитывали на то, что военная гроза очистит атмосферу. Война понималась духовно

как промыслительная кара Божия, посланная на исправление русскому народу. «Верующему уму становится ясно», — пишет уже упомянутый В.И.Сахаров, — что народ своими кровавыми страданиями в каждом столетии как-бы искупает свои прошлые грехи, что десница Всевышнего в горниле этих страданий очищает народную душу. «Таким путем, путем воинским, Россия всегда искупала свои грехи», — уверяет читателей другой корреспондент «Орловских епархиальных ведомостей».

Увы, скоро пришлось убедиться в обратном. Свящ. Василия Понятовского как-то встретила на улице мещанка Дарья Голикова, жительница слободы Беломестная. И со слезами стала жаловаться на своих соседей. Никакой обиды они ей, в общем-то, не сделали. Они просто... пожелали продолжения войны. Мелкий купчик Минаев получил подряд на заготовку мяса для фронта. А в деревнях лишившиеся кормильцев крестьянские семьи за бесценок продавали скот, только бы расплатиться с налогами. Вот Марья Минаева, загоняя скотину во двор, поделилась с Дарьей своей радостью: «Скоро к дому пристройку делать будем. Хоть бы эта война потянулась подольше». «Как же так, — жаловалась священнику Дарья, — мой на фронте уже второй раз ранен, дети без отца растут, а ей лишь бы подольше!»

Одна часть русского общества просто не желает понимать другую, и радостная сплоченность первых дней войны опять оборачивается все той же разобщенностью. Церковь пытается возвысить свой голос против этого. «Пиром на крови» называет неизвестный священник в своей проповеди такое поведение купцов, подрядчиков, прочих тыловики. К сожалению, проповедовать приходится осторожно. «Тыловики» очень чувствительны к замечаниям на свой счет, а средства для воздействия на клир у них имеются. Вот что можно делать совершенно свободно, так это призывать общество к милосердию и собирать средства на раненых, беженцев, солдатские семьи и т.д.

Пункт по сбору вещей для беженцев и солдатских семей организован в Скорбященской (по-народному Георгиевской) церкви. На долю священников Сергиевского храма остается сбор денежных средств. Надо сказать, что Ливны по этим сборам резко выделяются среди Орловской губернии. Суммы собранного каждые две недели печатаются в «Орловских епархиальных ведомостях». Вот, например, сведения от 1 января 1916 года.

“От учащихся г.Болхова — 11 рублей 90 копеек.

От жителей Шаблыкино — 3 рубля 40 копеек.

От духовенства первого округа г.Ливны — 87 рублей”.

И в дальнейшем суммы взносов, поступающих от первого округа, т.е. того самого, в котором находится Сергиевский храм, всегда самые большие. И дело тут не в том, что духовенство богато и город богат. Просто сдача денег стала делом массовым.

О том, кто именно жертвовал на беженцев и на содержание солдатских семей, может лучше рассказать список, так сказать, вещевых пожертвований: “Простыня новая, полотенце подержанное, две рубашки мужских, одна сорочка женская, четыре фунта сала соленого и шесть пар детских шерстяных носков домашней вязки...” Списки тщательно фиксируют и полушубок мужской, и галоши резиновые, все эти небогатые дары небогатых же людей, принесенные от чистого сердца. Раздают их, как и з а н и м а ю т с я размещением беженцев, представители церкви.

Беженцы размещаются в крестьянских семьях неподалеку от города, и священники периодически выезжают к своим подопечным, чтобы узнать, как обстоят дела и какая помощь требуется. Отчеты сообщают, что боль-

шинство из них получают помощь от местных крестьян, но положение их незавидно — не хватает работы. В зимние месяцы наниматься в батраки некуда. Но, тем не менее, настроение у большинства спокойное и даже бодрое.

С беженцами приходит новая напасть. Война, тронув с места огромные людские массы, принесла с собой из юго-западных губерний России сектантских проповедников. Священство

Сергиевский бульвар
накануне революции
был любимым местом прогулок.

Орловщины не слишком готово к дискуссиям с ними. Баптисты проповедуют в поездках, на базарах, стараются втянуть в спор наиболее уважаемых людей. Большинство священников, не привыкших к открытым диспутам, ошеломленно безмолствует. В начале 1917 года в “Орловских епархиальных ведомостях” появляется статья, призывающая не оставлять проповеди сектантов без ответа, не уступать им паству. Но времени остается мало, совсем мало. Скоро, очень скоро начнется то, что старец Зосима Гефсиманский назовет “очищение огнем”. Пламя революции уже разгорелось на горизонте.

СКЛАДСКОЕ ПОМЕЩЕНИЕ №5

Вас тридцать три — (по возрасту Христа)

Священника, познавших ложь и пытки.

Вам не воздвигли каждому креста.

Излишни власти хлопоты, убытки.

Не зачитавши приговорных слов,

Чего тянуть, ведь на дворе не лето,

Сводили вас поочередно в ров,

В затылок упирая пистолетом.

О чем в тот день, второго декабря,

Вы думали под окрики конвоя?

О светлом духе в лоне алтаря.

О мудрости скрижалей с анаоя.

О бравом парне из НКВД,

Пытавшем вас, топча в грязи подвала.

О страшной прокатившейся беде,

История которой не знавала.

Об Ироде, сокрывшем кровь в кумач,

И о Пилате с трубкой и усами.

О том, как улыбается палач,

С отнятыми при обыске часами.

О крахе колоколен и людей,

О светлом звоне, что покинул души.

О тех, кто под счастливый бред идей

Идет насильем мир насилья рушить.

В. Мальцев

1932 году зима оказалась для комсомольцев Ливенской Заготконторы нелегкой. Морозы не хотели держаться даже в январе, постоянные оттепели нагревали воздух до плюсовой температуры. И от всего этого во временных будочках, выстроенных во дворе конторы, чтобы принять хлебопоставки первых ливенских колхозов, “загоралось”, портилось жучком драгоценное зерно. Его было столько, что обычные складские помещения, выстроенные в свое время ливенскими купцами, не вмещали этого изобилия. А дощатые

балаганы не могли обеспечить сохранность. Чтобы спасти зерно от порчи, нужно было постоянно его проветривать, перелопачивать. На эту отчаянно тяжелую работу и “кинули” комсомольцев. После законного восьмичасового дня они оставались на дополнительную “комсомольскую смену” и бросали, бросали зерно, пока не зеленело в глазах. Короткий зимний день давно кончился. Ничего — работали при свете керосиновых фонарей. По воскресеньям можно было все-таки немножко передохнуть. на помощь приходила городская комсомольская организация: ребята и девушки из торгова, с хлебозавода, из ближних колхозов перебрасывали с места на место слежавшийся хлеб.

А в самом городе срочно прискивали новое помещение под детский дом №2 — смертность в деревне резко возросла, а вместе с ней и сиротство. Городской отдел ГПУ начал пересмотр старых дел о Ливенском кулацком мятеже, явно надеясь отыскать среди жителей города “контриков”, укрывшихся под личиной мирных советских служащих. В партийных организациях шли очередные “чистки”...

Сергиевский храм стоял на берегу Сосны темный и тихий. Только дважды в неделю — в среду и в воскресенье — в нем робко загорались огоньки свечей. Изовсез сил прихожане и священство подчеркивали свою чуждость городской суете и незаинтересованность в ней. Тому было немало причин. Уж очень горек был опыт, накопленный ими за четырнадцать лет советской власти. Казалось бы, все так хорошо начиналось. После первых медовых дней свободы, когда Синод приветствовал отречение Государя от престола, большинство духовенства всем сердцем присоединилось к выраженной “Орловскими епархиальными ведомостями” надежде, что новая республиканская Россия сумеет искоренить недостатки устаревшего монархического правления. Но не успели порадоваться, как события понеслись таким галопом, что осмыслить их и примениться к ним для многих клириков было трудно. Как отнестись к приходу с фронта дезертиров, к тому, что они в одиночку и целыми шайками грабят церкви, наконец, как отнестись к декрету Совнаркома от 11(24) ноября 1917 года о конфискации у церкви всех учебных заведений? Городская общественность встретила декрет с восторгом. На общегородском собрании учителей инспектор первого начального училища надворный советник Иван Васильевич Митропольский выступил с

речью о “реакционной сути духовенства и освобождении образования от антинаучного религиозного бреда”. И как было удержаться о.Дмитрию Соколову от того, чтобы попытаться возразить ему. Но если речь Митропольского была встречена аплодисментами, то выступление священника было зашикано и освистано возбужденной аудиторией.

Епархиальное начальство пыталось организовать общественную оппозицию указу. С этой целью газета “Орловские епархиальные ведомости” провела опрос на местах. Целью анкетирования было выяснить, как относятся родители и учителя к запрету, наложенному на преподавание Закона Божия в школе. Обучать детей православной вере в частном порядке согласились только родители Болхова. Миценск и Орел нашли, что Закон Божий преподавать не нужно, а ливенцы не пожелали ответить опросчикам. Прекратились и сообщения постоянного ливенского корреспондента “Епархиальных ведомостей”, о чем газета “с прискорбием” сообщила.

Но главные страхи были еще впереди. Летом 1918 года начались изъятия икон в сельских церквях и частных домах крестьян. Пока не в виде государственной политики, а в виде частной инициативы комсомольцев и коммунистов продовольственных отрядов Хмелевской волости. Комсомолец Василий Митропольский, младший и вполне достойный сын И.В.Митропольского, позже принявший фамилию Бакуров, вспоминает, как командир одного из таких отрядов собрал в Хмелевой целый иконостас из домовых крестьянских образов и начал складывать из них костер. Когда учительница местной школы попыталась остановить его и заговорила о том, что иконы — это одновременно и личная собственность крестьянина, не подлежащая изъятию, и художественная ценность, которую не следовало бы уничтожать, ретивый борец за светлое будущее арестовал ее и своей властью приговорил к расстрелу. Только вмешательство Ливенской партийной организации спасло молодую женщину от расправы.

Грабительская “политика партии на селе” вызвала мятеж 1918 года. Сергиевская церковь оказалась неподалеку от центра событий. Почти напротив Сергиевского храма произошло убийство руководителя Ливенской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем И.Д.Селитренникова, отсюда после подавления восстания отправилась на кладбище процессия с красными гробами погибших интернационалистов. Впервые в

трехсотлетней истории Ливен похороны представителей власти в городе обошлись без церковной службы, без пения хора, без напутственного слова священника. “Что нужды в том, — писал в это время И.А.Бунин о похоронах жертв революции на Марсовом поле, — что это было собственно издевательство над мертвыми, что они были лишены честного христианского погребения, заключены в гроба, почему-то красные, и закопаны в самом центре города живых. Комедию проделали с полным легкомыслием”.

И все это казалось естественным и само собой разумеющимся, как и расстрел в сентябре 1918 года главарей восстания: трех офицеров, купца и священника Рязанова. За что арестовали священника, брошюра историка Ливенского мятежа Д.П.Селитренникова умалчивает. Но сохранилась городская легенда о том, что когда каратели вступили в город, он попытался спрятать в церкви какого-то мятежника. Это видели “надежные коммунисты”. Они и донесли властям о преступлении. Арест последовал немедленно, а на партийных собраниях и митингах “реакционное духовенство” клеймили за поддержку “контрреволюционного элемента”.

Пройдет 10 лет с момента, изображенного на фотографии, и на этой площади вспыхнет Ливенский мятеж.

Голосов в защиту обвиняемых не было — настолько низко пал в России авторитет священнослужителя и церкви.

Всё труднее найти человека, готового служить Богу и церкви. Ещё в 1915 году «Орловские епархиальные ведомости» публикуют списки вакантных мест церковнослужителей по епархии. Сначала в этих списках значились места младших священников в сельских храмах. Но уже в 1916 году церкви Орла, Болхова, Ливен начинают терять священников. Теперь перечисление вакантных мест занимает несколько страниц газеты.

Но, к чести Сергиевского храма, там нет вакансий. Экипаж корабля остаётся на месте, несмотря на жестокий шторм. Сплочённой группой встречает он в 1921 году рабоче-крестьянскую комиссию, пришедшую для изъятия церковных ценностей на нужды голодающих. Забрали всё: церковные сосуды, ризы с икон. По воспоминаниям прихожанки Е. Тарасовой, бывшей в то время подростком, её мать отдала в храм вазу, напоминающую формой чашу, чтобы можно было продолжать богослужение. После освящения чаша служила вместо отобранного потира.

Священники тихо радовались тому, что реквизирующие не тронули главную святыню храма — считавшуюся в городе чудотворной икону XV века «Богородица Смоленская». Но всё реже подходили люди к чудотворной иконе, запустела пещера, в которой давно не служили молебны. «Разъяснительная работа» лекторов-атеистов давала свои плоды. Посещение церкви стало казаться большинству старорежимной глупостью, было «неприлично».

Правда, по традиции старались венчаться, крестить детей и т.д., но как отмечали в своих донесениях уполномоченные ГПУ: «население к религии относится безразлично, за исключением женщин преклонного возраста».

Но имелись у церкви и враги, решительные и активные. 6 декабря 1929 года ГПУ своим органам на местах дало указание запретить «так называемый трезвон или звон во все колокола». Постановлением ВЦИК от 15 декабря этого же года предоставлялось право местным органам власти допускать звон только в малые колокола установленного веса и в установленное время. Впрямую колокола запрещать боялись, но протаскивали запрет «по просьбам трудящихся, которым колокольный звон мешает отдыхать после трудового дня».

Инициатором снятия и уничтожения колоколов в нашем городе

стал мастер завода противопожарного машиностроения Гавриил Харитонович Селитренников, родственник убитого в 1918 году первого председателя ливенской ЧК И.Д. Селитренникова.

На колокольне Сергиевской церкви в это время находилось 9 колоколов разной величины. Были «Большой», «Лебедь», «Голодарь» — так по традиции называли средний по величине колокол, в который звонили в Великий пост, — набор малых зазвонных колоколов. Они собирались годами, а уничтожены были в течение нескольких часов. Г.Х. Селитренников с бригадой молодых рабочих летом 1929 года снял колокола и на грузовике отвёз их на площадку перед Троицким собором. Там уже было установлено приспособление для их разбивания: тяжёлая металлическая чушка, подвижно укреплённая на треноге. Этакая гильотина для колокола. Лом цветного металла, получившийся после этого, сдали «на индустриализацию страны».

Сказать, что все эти действия пользовались полной поддержкой ливенцев, нельзя. Даже, далёкие от религии, люди в домашних разговорах выражали недовольство и сожаление по поводу разрушения культурных ценностей. Но то, что говорится дома, с оглядкой, не может стать основой серьёзного сопротивления.

Волну протестов вызвал искусственный голод, который охватил страну в 1931–32 годах. Вспоминает Е.Ф. Белозерцева.

«Я была послана в деревню в качестве ревизора, проверить правильность начисления трудодней. Ехать нужно было с председателем колхоза, который по каким-то делам приезжал в Ливны. Проходя со своим спутником по рыночной площади к брочке, мы заметили небольшую группу людей, которая окружила плачущего мальчика лет пяти-шести. Председатель раздвинул народ и взглянул на мальчика:

— Э, да это из нашей деревни! Что, Ванюша, маму потерял? Садись с нами, доставим.

Так с малышом на коленях я приехала в деревню. Мы завернули к матери Ванюши. Измождённая старуха встретила нас в сенях, грубо пихнула мальчика в избу и набросилась на председателя:

— Что же ты сделал, гад? Что я или ребёнок мой сделали тебе плохого? Зачем увёз его из города? Там бы его хоть в детдом взяли, хлебом покормили, а теперь помирать ему. Ты этого для него хочешь?

И женщина распахнула на груди кофту. Никогда не забуду того,

что увидела. Казалось, рёбра женщины вот-вот прорвут тонкую кожу. Голодовка довела её до крайней степени истощения”.

Горе и гнев бурлили в деревне, ярость рвалась наружу. В июне 1932 года по западной части центральной чернозёмной области России прокатилась волна массовых антиколхозных выступлений. Как можно было признать, что народ протестует против политики партии? Нужно было найти подстрекателей. Под рукой для этого было бесправное, травимое духовенство. И осенью 1932 года на квартиру Василия Ивановича Понятовского, настоятеля Сергиевского храма, явились нежданные гости. Они предъявили ордер на арест и обыск, перевернули вверх дном комнату отца Василия. Искали переписку, оружие, воззвания, — словом, доказательства того, что священство Сергиевского храма связано с церковно-монархической организацией “Ревнителю церкви”. Эта опасная подпольная организация родилась, прежде всего, в воображении начальника ОГПУ ЦЧО Дукельского, который решил обвинить во всех противоправительственных выступлениях архиепископа Курского Дамиана и духовно близких ему священнослужителей. По мнению чкистов, существовало три отделения организации: курское, орловское и ливенское. По делу походило 413 человек, в том числе 3 епископа, 127 священников и диаконов, 106 монахов и монахинь, 70 кулаков, 11 бывших дворян, помещиков и полицейских. Орловское отделение “Ревнителю церкви” насчитывало 46 человек, ливенское — 39.

Почему удар был направлен прежде всего на Сергиевскую церковь? Подвели личные связи о.Василия Понятовского. Будучи в Орле, он поддерживал знакомство с бывшим земским начальником Михаилом Ивановичем Войновым, который в своё время окончил Московскую духовную семинарию и находился в Орле в административной ссылке, дав обет Богу жить, как старец, на подаяние. Вот этот-то М.И. Войнов и живший в Орле бывший епископ Николай Могилевский и были намечены Дукельским в руководители орловского отделения “Ревнителю церкви”.

Что могли сделать пожилые священнослужители для того, чтобы в ряде сёл возмущённые крестьяне громили сельсоветы и правления колхозов? В сфабрикованных следствием показаниях содержались нелепые измышления о том, что священнослужители и церковные активисты “проводили вербовку лиц для повстанческих целей, ставя своей задачей помощь интервентам в восстановлении капитализма в

стране”. Обвинять было легко, так как доказательств для подтверждения вины не требовалось. Никого не беспокоило, что отцы Василий Понятовский, Николай Покровский и Дмитрий Соколов никогда не были в восставших сёлах.

Дело о.Василия было ещё усугублено тем, что он в 1918 году организовал у себя на дому небольшую школу по изучению закона Божия. Его “поправили”, и деятельность школы была прекращена, но память у советской власти оказалась долгая. По этим двум обстоятельствам Василий Понятовский “занял пост” руководителя ливенского отделения. К сожалению, мы не можем перечислить всех имён его “однодельцев”. Все они для завершения следствия были направлены в Курск, где и получили свои сроки и расстрелы. Реабилитировала их опять-таки прокуратура Курской области.

Дело “Ревнителю церкви” было не единственным случаем расправы со священниками и верующими. Потом было многое: расстрел 33 священников в Липовчике, аресты и ссылки за домашнюю икону, за книгу духовного содержания, за переписанную молитву... Но священники Сергиевского храма первыми прошли этот крестный путь.

После ареста причта храм стоял пустой, с разбитыми окнами. В таком виде он и попался на глаза начальнику “Заготзерна”. Тот неторопливо обошёл его. Окна нетрудно забить фанерой и заложить кирпичом. Двери прочные. Стены толстые. Чего же лучше? И через несколько дней к Сергиевскому храму (складскому помещению №5 ливенской конторы “Заготзерно”) потянулись подводы. Горисполком был доволен: нашлось применение церкви. Комсомольцы тоже облегчённо вздохнули: в сухом, хорошо проветриваемом помещении зерно не будет гореть. Авось, кончатся “комсомольские смены” и воскресники.

НАРОД ПОМНИТ... (ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ)

“Запиши, пока я жива...”

История восстановления Свято-Сергиевской церкви была записана мной по просьбе покойной Агриппины Павловны Мотиной и с благословения настоятеля этого храма о. Леонида. Агриппина Павловна была глубоко верующим человеком, регулярно посещала храм, несмотря на свой почтенный возраст — ей было больше восьмидесяти лет. В свое время она была участницей Великой Отечественной войны. И сказала мне однажды: “Я осталась последняя из тех, кто с первого дня восстанавливал этот храм после войны, все уже умерли, но и я близка к концу земной жизни. Я вам буду рассказывать, как мы восстанавливали Свято-Сергиевскую церковь, а вы запомните и напишите историю, чтобы люди знали”.

Агриппина Павловна поведала мне, что Свято-Сергиевская церковь была закрыта властями последней из всех двенадцати храмов города Ливны. Священники были арестованы и репрессированы. Колокола были сняты с церкви значительно раньше, а кресты оставались, красивые резные. На колокольне крест был обыкновенный, но вокруг креста вращался флюгер в виде летящего ангела с трубой. Этот крест с флюгером хорошо виден на старинной фотографии, которая находится в Ливенском краеведческом музее.

Алтарная часть храма.
Видна наскоро заделанная
пробоина для пушечного ствола.

Пещера, которая находилась на дворе Свято-Сергиевской церкви, была в беспризорном состоянии, с выломанными дверями. Верующие люди тайком приходили и брали песочек, прославленный в народе давным-давно, для исцеления недугов. Потом разрушили маленькую церквушку над пещерой, и пещера была засыпана кирпичами и штукатуркой от разломанной церкви.

Ограда храма только с фасадной и восточной сторон состояла из железных решеток, вправленных в каменные столбы. Постепенно все разрушилось без нужного досмотра и ремонта.

Большой урон церкви нанесли фашисты, которые оккупировали Ливны и находились в городе с 25 ноября по 25 декабря 1941 года. Фашисты разбили иконостас, а в алтарь вкатили дальнобойную пушку, дуло которой выставили в окно алтаря с прицелом на Елецкое шоссе, полы выломали; в церкви содержали коров и лошадей, которых отбирали у населения для питания армии; металлические решетки ограды они увезли, пытались оторвать металлические решетки окон; сняли с колокольни крест с флюгером. Конечно, они сняли бы и кресты с куполов церкви, но не успели, т. к. месяца не хватило для полного ограбления храма.

В 1948 году властями было разрешено открыть в Ливнах одну церковь. Выбор пал на Свято-Сергиевскую. Из епархии прислали священника. Со святой молитвой и со священником впереди группа верующих переступила порог истерзанного храма. Дико выглядели черные стены, навоз на полу, множество гильз и разного мусора, разоренные алтари, разбитые окна с покореженными железными решетками. В главном алтаре стояла навсегда умолкнувшая пушка и валялась куча гильз от снарядов. Ветер гулял по храму. Священник отслужил молебен, окропил святой водой весь храм, и сразу на душе стало легко. С этого началось восстановление Свято-Сергиевской церкви, которое продолжалось многие годы.

Чтобы проводить богослужение, в первую очередь был очищен малый алтарь и завешен полотном, элементарно был убран от мусора первый придел храма. Людей не страшила эта ужасающая разруха, они не покладая рук работали по восстановлению церкви. Приносили иконы, уцелевшие и спасенные верующими при пожарах и разорении церковей. Работа по очистке храма проводилась вручную, с помощью лопат, ломов, граблей, метел, носилок. Никаких механизмов не было.

Однажды перед богослужением к отцу Митрофанию подошла женщина и поведала ему, что она видела во сне старца, который сказал ей, что её убогие руки исцелятся, если она будет работать по очищению пещеры от камней. “Батюшка, благословите меня на труд”, — сказала она и выставила для благословения свои убогие руки, пальцы которых были скрещены и не разгибались.

Отец Митрофаний благословил и она пошла к огромной куче кирпичей и камней, к месту, где по предположениям был вход в Пещеру. Скрюченными руками женщина поднимала и отбрасывала кирпич за кирпичом, то в правую, то в левую сторону, и уже через час или два показался первый порожек в Пещеру, а пальцы рук выправились и стали работать, как здоровые. Женщина пошла в церковь и показала священнику свои кисти рук с выпрямившимися пальцами. Это было чудо. Отец Митрофаний не удержался от соблазна обнародовать этот случай и обратил внимание присутствующих в храме на то, что рядом с нами находится великая Святая сила, исходящая из Пещеры, где замурованы тела игуменов Свято-Сергиевского монастыря Харлампия, Терентия, Германа и других.

Это послужило поводом к тому, чтобы верующие приступили к освобождению всей Пещеры от завала и очистили ее. Между тем местные власти узнали о случившемся, о том, как отец Митрофаний рассказывал о чуде, расценили этот факт, как распространение религиозных предрассудков и приняли решение арестовать священника. Спас отца Митрофания от ареста фельдшер, который выдал священнику больничный лист, а Владыка вызвал его к себе и, узнав о случившемся, перевел священника в Задонск. Приезжали и уезжали другие священники, но никто не задерживался в Ливнах.

В 1954 году в качестве настоятеля Свято-Сергиевской церкви приехал двадцатипятилетний священник отец Леонид. Приехал сразу с семьей без всякой предварительной разведки на условия жизни. Молодой, энергичный он с семьей поселился на втором этаже колокольни. Печь там была, дымоходы прочистили, жить можно. Крутая лестница на второй этаж, по которой нужно было поднимать дрова, уголь, воду и все, что нужно для жизни, для молодых не помеха. Господь одарил отца Леонида Божьей премудростью и большим талантом создателя-строителя, художественным вкусом. Восстановление храма пошло успешнее. Пещеру же пришлось закрыть на долгие годы. Председатель горисполкома сказал отцу Леониду: “Эту яму (имелась в виду Пещера) ты засыпь и сравний это место с лицом земли”. У отца Леонида хватило смелости и премудрости сохранить Пещеру. Он не засыпал её, а просто закрыл, что вызывало множество нареканий среди верующих. Он молчаливо вынес этот упрек.

Полным ходом шло восстановление храма. Штукатурились стены, настилались полы, вырезались деревянные детали для иконостаса и украшения отдельных икон. Художники расписывали внутренние стены церкви, художественно оформлялся иконостас и вся церковь, благоустраивался алтарь.

Особую заботу составляли колокола. Вначале собрали малые колокола, но они маломощны, а в 1988 году приобрели два больших колокола. Теперь благовест разносится по всему городу.

Золочение иконостаса и оправы некоторых икон началось в 1970 году. Вначале была озолочена только центральная часть иконостаса, а спустя несколько лет — все остальное, по мере экономических возможностей.

В 1994 году Свято-Сергиевская церковь стала кафедральной.

Е. Белозерцева.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Партийный публицист Владимир Алексеев назвал в 1943 году "неожиданным диалогом" крутой поворот правительства СССР от полного подавления церкви к сотрудничеству с ней. Хотя историки выдвигают многочисленные рациональные, логически обоснованные версии решений Сталина, верующие предпочитают версию "митрополита Илии" (Митрополит Гор Ливанских Илия молился в затворе, и ему явилась Богородица, которая предупредила, что если правительство России не помирится с церковью — победы в Великой Отечественной войне ему не видать). Даже такой, в общем, атеистически настроенный исследователь, как академик РАМН Покровский, прежде всего вспоминает разнесшийся по кубанским горам в 1943 году слух, что Сталин разрешил пионерке Думе Бастаевой по видению Богородицы восстановить прекрасный горный храм и одновременно собрать среди верующих деньги на танковую колонну, т.е. придерживается не логического, а мистического объяснения феномена "неожиданного диалога".

Он имел огромные последствия для русской православной церкви. После душевного приема правящих архиереев в Кремле стали возрождаться тысячи православных храмов. В их число попала и Ливенская Сергиевская церковь. Дело в том, что возрождать церковную жизнь нужно было под строгим контролем партии, и большой храм, предполагающий наличие большого количества верующих, Совету по делам Русской Православной Церкви был совершенно не нужен. "Сергие" идеально отвечал всем требованиям: и памятник старорусского зодчества сохраняется, и лишнего народа не наберется. Решение об открытии принималось, безусловно, наверху. Но когда оно было "спущено" в Ливны, мы можем сказать с достоверностью. В 1947 году в донесениях уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Орловской области Н. Зверева, которые регулярно отправлялись в Москву, сообщается, что в Ливнах уже имеется группа верующих во главе со священником. Они совершают богослужения на дому в ожидании, когда Ливенская контора "Заготзерно" отдаст им Сергиевскую церковь, которая этой конторой используется под склад. Руководитель группы московских учёных-реставраторов Л. А. Острова собрала подробную

документацию по истории храма, кроме того, она со своими товарищами внимательно исследовала стены, крышу, окна церковного здания, описала все особенности кладки, архитектурные украшения. Отправленный в Москву доклад определил судьбу храма. 13 октября 1947 года председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов дал разрешение на открытие Ливенской Сергиевской церкви.

Нельзя сказать, что все в городе этому решению обрадовались. До крайности недоволен, например, был начальник конторы "Заготзерно". Понадобилось вмешательство Орла для того, чтобы наконец здание было отдано верующим.

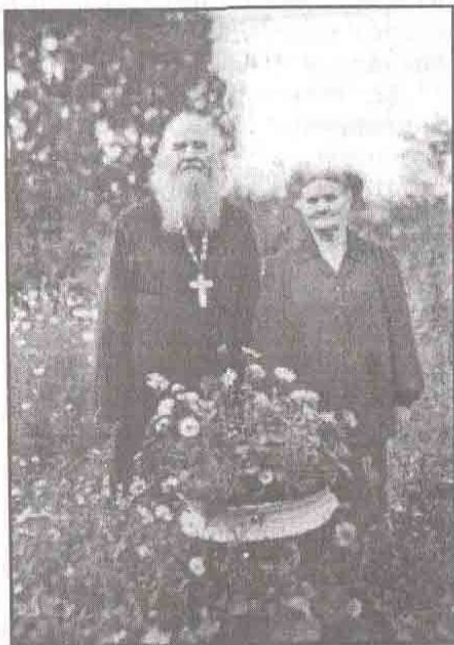
Этими распрями и объясняется тот факт, что несмотря на распоряжение от октября 1947 года, церковь в действительности начала функционировать только в 1948 году, да и то не полностью. Самозванные хозяева отдали здание в таком состоянии, что привести в порядок удалось на первый случай только малый алтарь. В большом (через восемь лет после войны) под ногами перекатывались снарядные гильзы.

Да, весь инцидент между верующими и государственными чиновниками отражает двойственное, противоречивое отношение правительства к делу возрождения церкви. С одной стороны, нужно восстанавливать разрушенное. С другой стороны, всеми мерами следует сдерживать верующих, чтобы, упаси Бог, не произошло истинного воцерковления России. Уполномоченный Совета по делам РПЦ в Орле и Орловской области Н. Зверев должен был надзирать за ходом возрождения, тщательно наблюдать за священниками (у него имелась собственная картотека, в которой хранились копии послужных списков священников и их характеристики, составленные уполномоченным со слов осведомителей), наблюдать за их нравственностью, за количеством посещающих церкви прихожан и, самое главное, решительно препятствовать "религиозной пропаганде", т.е. привлечению в церковь новых сил, воцерковлению молодежи. Под его наблюдением уже находились церковь Петра и Павла во Мценске, Орловский кафедральный собор. Сергиевский храм стал третьим, порученным его наблюдению.

Добросовестный, судя по всему, служака, Зверев ежемесячно отправляет в Москву подробные отчеты. Рассекреченные в наши дни, они могут служить бесценным источником сведений по истории церкви Орловской епархии. В конце сороковых годов эти отчеты носят самый успокоительный характер. Согласно им, во вверенной

его наблюдению епархии все обстоит благополучно. Как он выяснил из разговоров со священниками и с самим архиереем, духовное состояние верующего народа не должно внушать власти никаких опасений: большинство не научено основам православия, и их отношение к церкви можно определить термином "обрядоверие". Поставить свечку, поцеловать икону, обвенчаться, отпеть покойника, отслужить молебен — и только. При этом смысл производимых действий не осознается самими богомольцами. Молитвы знает ограниченное количество таких прихожан. Священной истории не знает практически никто. Те единицы, которые окончили до революции церковно-приходские школы, можно не брать в расчет. В семьях царят языческие нравы. В некоторых селах вновь открытые церкви пришлось закрыть из-за отсутствия постоянных прихожан.

Что искренне страшит Зверева, так это глубокая вера и искренне честные священники на приходах. Такого правдолюбивого и смелого пастыря он, к своему огорчению, обрел в Ливнах в лице настоятеля возрождаемого храма протоиерея Митрофания Успенского. Характеризуя перед начальством этого священника, Н. Зверев с возмущением отмечает, что М. Успенский был прекрасно устроен — работал бухгалтером, получал неплохие деньги. Но стоило только позвать, как священник бросил свою светскую работу и вновь надел рясу. Кроме того Успенский "плох" тем, что происходит из семьи потомственных священников. И всего хуже то обстоятельство, что несребролюбив и прямодушен, преследований не страшится. Что с таким сделаешь?

Отец Митрофаний Успенский
с матушкой Валентиной.
1962 год.

"Голова Иоанна Крестителя".
Россия, конец XIX века. Икона из
кладбищенской церкви.

"Св. Пантелеймон целитель".
Афонский стиль. XVIII век.

"Богоматерь Отрада и Утешение".
Афонский стиль, рубеж XVIII
– XIX веков. Народное название
иконы "Казачья Богородица".

◀ "Серафим Саровский молящийся". XX век, первое десятилетие. Автор – архиепископ Серафим (Чичагов). Предположительно — авторская копия. Подарена арх. Серафимом кладбищенской церкви.

"Богоматерь "Умиление". Восьмидесятые годы XIX века. Изготовлена на горе Афон. Афонский стиль.

◀ "Богоматерь Иверская". Россия. Конец XVII – начало XVIII веков. Первоначально принадлежала неким Андрею и Дарье (в обрамление иконы вделаны образки св. Андрея и Дарии). Прославлена тем, что в 1948 г. мироточила.

▲ Захоронение архимандрита Алексия Щеглова, предпоследнего настоятеля Ливенского Успенно-Сергиевского мужского монастыря.

▶ Настенная роспись "Ангел "Встречи". По поверьям христиан записывает на специальную хартию имя каждого, кто приходит помолиться в церковь. Автор фрески П.А. Гладков, середина семидесятых годов XX века.

◀ "Распятие". Академическая школа. Копия с образца, XIX век. Художник П. Гладков.

▶ "Собор святых всечестных учеников преподобного Сергия Радонежского". Икону "Троица" держат сам Сергий и его ученик св. Никон Радонежский. На белом убрусе под иконой молитва о благоденствии обители. Копия старинной иконы, XVII век. Автор фрески П. Гладков.

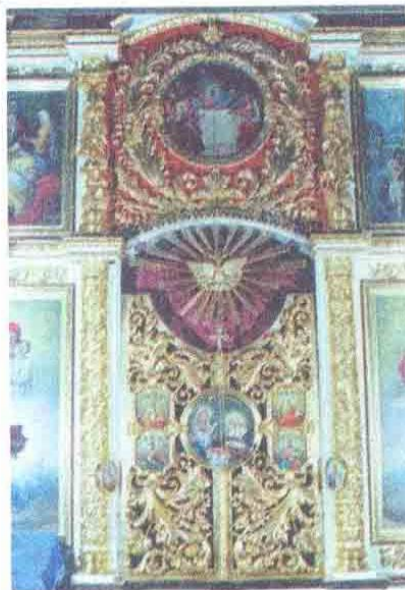

▲ Иконостас большого алтаря Свято-Сергиевской церкви.

◀ Престол большого алтаря Свято-Сергиевской церкви, Чеканное изображение тайной вечери, закрывающее нижнюю часть престола — подарок Патриарха Московского и всея Руси Алексия I.

Царские врата большого алтаря Сергиевской церкви. Резьба выполнена в конце шестидесятых годов. Резчик неизвестен.

Занятие воскресной школы ведет староста храма А. Г. Курская.

Предчувствия уполномоченного вскоре оправдались. Маленькая ливенская православная община стала для него источником больших беспокойств и интенсивной переписки с Москвой уже в конце 1948 года. Здесь развернулся инцидент, названный им “Дело о ливенской пещере”.

Не успел храм стать на ноги, не успел Н. Зверев подобрать осведомителей из числа прихожан, как о. Митрофаний в мае 1948 г. появился в его приемной. Он положил на стол отчет о чудотворении, которое совершилось в Ливенской пещере, и просьбу, подписанную им и старостой храма Ю. Тарасовым о ее открытии. Там сообщалось, что Наталья Алексеевна Васюкова, колхозница колхоза “Пролетарий”, возраст 50 лет, проживающая в 12 км от г. Ливны, вдова, имеющая двух сыновей, из которых младший находится в Красной Армии, а старший в тюрьме за “финансовые нарушения, связанные с проведением денежной реформы” (такова формулировка в документе), в настоящее время страдающая болями в позвоночнике и имеющая сухую руку, исцелилась при очистке ливенской пещеры от камней и мусора. В феврале 1948 года она увидела во сне старика в монашеской одежде, который сказал: “Я исцелю тебе руку и спину, только очисти людям дорогу ко мне”. После того, как Наталья Алексеевна рассказала о. Митрофанию о видении, священник, знавший историю пещеры, привел ее к входу, заваленному битым кирпичом. Холм из развалин рухнувшей часовни уже убрали, и оставалось только расчистить внутренность пещеры. Несколько дней Н.А. Васюкова работала в ней. Когда от мусора была очищена первая ступенька, у нее распрямились пальцы скорченной руки. Затем выпрямилась спина.

Был там описан еще один случай исцеления, к сожалению, не дошедший до нас, т.к. он не был изложен в донесении Зверева, и прибавлено, что община верующих г. Ливны просит разрешить им служить не только в храме, но в пещере “ради многих недугов, одолевающих прихожан”. Это было ЧП. Оно вызвало в Орле чрезвычайно бурную негативную реакцию, которая едва не погубила возрождаемый храм. Секретарь Орловского обкома ВКП(б) Игнатъев заявил на заседании бюро, что если верующие Ливен будут требовать еще и открытия пещеры, они должны лишиться самой церкви: “Закрывать храм — и дело с концом”. Весь тон выступления партийного руководителя сводился к гневному выкрику, который прозвучал в его кабинете после доклада Зверева: “Обнаглели!”

Сам Зверев подходит к случившемуся гораздо проще и практичнее. С его точки зрения пещера, в которой будут служить молебны о здравии, должна стать источником дохода для священства, и именно с этой целью о. Митрофаний пытается ее возродить. Возмутительно только то, что он приступил к очистке пещеры не поставив уполномоченного в известность о проведении работ. В этом Зверев усматривает особую хитрость: сначала привести пещеру в порядок, провести несколько богослужений, добиться почитания, а потом сообщить властям, которым будет трудно уничтожить уже почитаемую верующими пещеру без того, чтобы жалобы не посыпались в самые различные инстанции. Сам Зверев тоже не прочь закрыть слишком беспокойный приход, ожидая от него в будущем новых неприятностей.

Г.Г.Карпов тоже был чрезвычайно встревожен, однако действовал куда осторожней своих подчинённых. Академик РАМН Покровский в своей серии статей по истории Русской православной церкви, опубликованной журналом "Россия", называет его "далеко не худшим надзирателем". С этим нельзя не согласиться, читая его подробную инструкцию, посланную из Москвы по "делу Ливенской пещере". Прежде всего председатель Совета задает головоломку своему уполномоченному за то, что, получив сообщение о чуде, он не выехал в Ливны и не разобрал обстоятельства дела на месте, а сразу впутал в него такую влиятельную инстанцию, как обком партии. Резкое противодействие может ожесточить верующих. Поэтому Карпов не согласен с позицией Игнатьева. Храм закрывать не стоит. Не стоит даже закрывать вход в пещеру. "Помните, — наставляет Карпов своего уполномоченного, — ваша задача не в том, чтобы перекрыть доступ к пещере, это сделать легче всего. Нужно, чтобы люди сами не пошли в нее, не поверив этим якобы чудесам".

Эту четкую установку на дискредитацию чуда и реализует Н.Зверев, отправляясь 11 октября 1948 года в Ливны для несколько запоздавшей проверки. Подробный отчет, отправленный в Москву, ярко характеризует обстановку в Ливнах. Во-первых, церковь действует бесконтрольно. Администрация и партийные деятели города ничего не знают о событиях в церкви. В свою очередь верующие достаточно наэлектризованы разговорами о закрытии храма и комиссию, состоящую из Н.Зверева и председателя ливенского горисполкома, принимают в штыки. О. Митрофаний Успенский отказывается дать ключ от "подвала".

Ю. Тарасов вступает в пререкания с комиссией, оба они "не помнят", где живет исцеленная и т.д. Но все-таки "по своим каналам" Звереву удается узнать, что ключ находится у Васюковой и выяснить адрес женщины. Побывав дома у Васюковой, Н. Зверев отправляет в Москву сведения самые успокоительные. Сам он выражает решительные сомнения в исцелении. "С первого взгляда видно, что она очень сутула, руку она постоянно держит согнутой и прижатой к туловищу и продемонстрировать смогла только один якобы выпрямленный палец". Что касается воздействия чуда на людей, тревога тоже оказалась ложной, большого шума в городе событие не сделало и к церкви никого не привлекло. Интересен довод, по которому Н. Зверев считает чудо безвредным: "В городе сейчас очень мало людей, которые способны поверить в возможность чудесного исцеления. Большинство считает этот трюк с выпрямленным пальцем обычным шарлатанством".

Тем не менее, что-то с виновниками переполоха нужно было делать. Ю. Тарасова просто лишили должности церковного старосты. А на защиту о. Митрофания выступил архиерей. Владыка посетил Зверева, убеждая его, что "ревность не по разуму", которую проявил священник, церковь может покарать сама, и нет никакой надобности в административном наказании, что он уже лишил о. Митрофания должности настоятеля храма и перевел в рядовые священники, что никаких святых останков в пещере нет и при раскопках в конце прошлого века они не были обнаружены и т.д. и т.п. В конце концов власти успокоились на компромиссном варианте: о. Митрофания с должности сместить, "подвал", уже расчищенный и убранный, со следами церковной живописи на стенах, передать в ведение городской администрации, чтобы она использовала его для хозяйственных нужд, а церковь не закрывать, только горкому ВКП(б) следует усилить контроль за деятельностью священников. Вскоре о. Митрофаний был переведен в Елец от греха подальше, и так благополучно разрешилась ситуация.

Несколько слов о дальнейшей судьбе о. Митрофания Успенского. Он служил в Ельце и в Задонске, но сердце тянуло его на родину, в Ливны. И как только немного забылось происшествие с пещерой, о. Митрофаний добился перевода в ставший ему близким храм. Разумеется, рядовым священником. Семья купила дом в городе, а прихожане, хорошо знавшие и любившие отца Митрофания, помогли устроиться. До самой своей кончины этот пастырь пользовался в

городе большим уважением. Росту авторитета о. Митрофания много помогло то, что он проводил практику экзорцизма, т.е. говоря по народному “отчитывал”, изгонял бесов. Отчитывал пьяниц, одержимых, но делал это тайно, под великим секретом, крепко помня слова одного старца, сказанные о. Василию Лисунову: “Отец, отец, не трогай беса, за него советская власть заступится”. Надо было учитывать и то, что отчитки были строго запрещены законом. Скончался он, немного не дотянув до 90 лет.

После того, как о. Митрофанию было запрещено служить, храм принял еще двух священников: о. Василия из Туапсе и архимандрита

Отец Василий Лисунов
и отец Леонид.

Иннокентия. У каждого из них были свои личные проблемы. О. Василий в свои 66 лет имел слабое здоровье, о. Иннокентий был вдов. Трудные времена каждый из них переживал по-своему. О. Василий нашел в тридцатые годы приют в бухгалтерии. О. Иннокентий сумел каким-то образом не оставлять службу в церкви. После смерти жены он принял монашество и стремился ограничивать контакты с суетным миром, уходя в молитву.

Но что буквально мучило священников, так это проблемы с хористами и чтецами. Ни тех, ни других просто не было. О. Иннокентий обучил псаломщицу, а хор Сергиевской церкви,

составленный из певчих всех прежних церквей города, руководимый опытным, еще с дореволюционных времен регентом Смагиным, старел прямо на глазах. Набрать и обучить молодежь было невозможно. Стоит кому-то прийти попеть в церковном хоре —

сразу же следует вызов в какую-либо официальную организацию: комитет комсомола, партбюро, профсоюз, где мягко, но очень настойчиво посоветуют “не связываться с попами”. Вскоре о. Иннокентий был переведен на другой приход.

А в Сергиевском храме появились новые священники, присланные из Орла. Выбор у архиепископа Флавиана был небольшой. Можно было назначить священников, которые побывали в тюрьмах и ссылке, тех, что вернулись к священству после работы в советских учреждениях или тех офицеров и солдат, что уверовали на фронте и были рукоположены после войны. Так в церкви появился коренной ливенский житель, в прошлом дьякон кладбищенский Фёдор Подзолков. До войны он был репрессирован, провёл годы в лагерях, но несмотря на это, сохранил прекрасный голос, не утраченный на лесоповале и в казахстанской степи. Одним из таких бывших ссыльных священников оказался и о. Сергей Макашов, уроженец Ливенского уезда, выпускник Ливенского духовного училища. До

революции он был рукоположен в сан диакона и служил в одной из сельских церквей уезда. Вскоре после революции перебрался с семьей в город, где получил уже священническое место, т.к. священников в городе не хватало — кто был арестован, кто добровольно оставил служение. У о. Сергия был особый “нюх” на неприятности. Стоит только начаться репрессиям поблизости, как он немедленно переводится в другое место, опасаясь ареста. Прослужив пять лет в церкви Заливенской слободы, он засобирился в Воронежскую область. Вскоре после его отъезда священство церкви было арестовано, сама церковь закрыта. Из Воронежской области — в Донецкую, затем еще куда-то... Многочисленная семья

Снова на ливенской земле.
(слева направо)
отец Федор Подзолков,
отец Сергей Макашов
с прихожанином Валентином.

о. Сергия оставалась в Ливнах. И никто не удивился, когда очередное письмо от мужа и отца пришло из Сибири — репрессии накрыли беглого иерея.

Освобожден о. Сергей был в 1944 году. А вернулся в Ливны в 1948. Семья, по которой он так тосковал в ссылке, оказалась ему чужой. Дети выросли атеистами. Не молились, не держали дома икон, не соблюдали постов. Горьким оказалось совместное житье. И о. Сергей, назначенный настоятелем, старается как можно больше времени проводить в храме. У нескольких молодых священников, присланных в Ливны, он пользуется большим авторитетом, как отлично знающий службу. Проблемой в эти годы является все: жилье для священников (две семьи ютятся на колокольне), вино для причастия, мука для просфор, краска и кисти для ремонта храма и, наконец, иконы. Часть из них собрали при о. Митрофании, который обратился к верующим с просьбой принести хоть что-нибудь из дома. Но все остальное... Хозяйственная жизнь храма при о. Сергии Макашове идет трудно. Сам священник, бывший ссыльный, запуган, да и начальство косо на таких смотрит. Задача тут только одна: как-то самому выжить и удержать паству вокруг храма. А в пастве не только старухи с дореволюционных времен. Появляется и молодежь. Тем, кто не видел, что такое Пасха в Ливнах в начале пятидесятых годов, трудно представить толпы богомольцев из сел, осаждающих храм. Начиналось со Страстной пятницы. Прибывали обозами из-за реки, толпами двигались от железнодорожного вокзала. Таборами располагались напротив церкви и на близлежащих улицах. Присутствие на богослужении еще не объявлено преступлением, поэтому рядом со взрослыми крутятся любопытные ребяташки.

Иные из приезжих вслух огорчались пустоте храма, его побеленным чистым без икон стенам. Громко сетовали, что вот мол после войны уже девятый год идет, а храм-то у нас беднешенек. Нужен был новый молодой настоятель. И он приехал в 1954 году.

ПАСТЫРИ

Проходя по школьному коридору, он увидел толпу ребят возле школьной стенгазеты.

— Леня, посмотри, на тебя карикатуру нарисовали, — подбежал к нему со смущением на лице лучший друг.

На белом листе ватмана был изображен отрок с крылышками за спиной, спешащий в церковь, а в подписи зло высмеивался он, Леонид Илькевич, за то, что был замечен на Пасху в храме.

— А я все равно буду ходить туда! — крикнул Леонид в смеющиеся лица одноклассников и бегом бросился из школы.

На глазах закипали слезы, но в душе росла твердая уверенность, что, несмотря на насмешки, он поступил правильно.

Леня Илькевич рос в набожной семье. В 1946 году, окончив школу в небольшом городе Вилейка Молодеченской области, Леонид Илькевич поехал поступать в Вильнюсскую духовную семинарию. Будущий семинарист вместе с такими же как он ребятами несколько дней прятался в близлежащем лесу от бдительных комсомольских работников, которые не подпускали к воротам семинарии молодежь.

Годы учебы пролетели незаметно, и в 1950 году Леонид Иванович Илькевич был рукоположен во священники. Сменив несколько приходов, он поступил в распоряжение Орловской и Брянской епархии. Так в 1954 году в Ливнах появился отец Леонид.

Март месяц, Великий пост. Весенняя распутица и холод. Молодой священник с матушкой и малюткой дочкой поселились, за неимением другого жилья, в колокольне. Бедная церковь, небольшой приход.

Отец Леонид на первом приходе. 1950 год.

— Ну что, отец, может быть, мы тут не нужны? — с тревогой спрашивала матушка Рония. Задумчиво теребя черную небольшую бородку, глядел муж в окно, ничего не отвечая. А там расстились широкие поля. Как это непохоже на его родную Белоруссию, где привольно лесам, где мягкая белорусская речь так отличается от резкого “г” центральной России. Одно только общее и для тех и для этих мест — люди забыли Бога. И кому нести им Слово Божие, если они уедут?

— Нет, мать, никуда мы отсюда не поедем. Буду служить там, куда послан.

И больше разговоров об отъезде не было.

Сразу же с получением должности настоятеля Ливенского Сергиевского храма, о. Леонид стал хлопотать о его украшении и благоустройстве. Но не только хозяйственные заботы занимали его. Куда важнее была та духовная работа, которую он вел не только словом, но и делом. Много историй рассказывают об отце Леониде в городе, некоторые стали легендой. Например, рассказ одного ливенца Ивана Николаевича С. Был он хорошим плотником, столярничал, мог и штукатурить. Словом, мужик с руками и головой. Но в Бога, как сам признавался, не верил. Жили с женой ладно, растили двух дочек. Выросли его девчонки и запросились замуж. Причем в одно время.

— Да где мне вас обеих замуж собрать, — пытался возражать отец.

Но девушки “стояли насмерть”, одна другой не уступала право первой сыграть свадьбу. Родители схватились за голову — где взять столько денег.

В тяжелом состоянии духа бродил бедный родитель по городу и пришел к церкви. Из храма как раз выходил отец Леонид. И сам Иван Николаевич не знает, как получилось, но рассказал он священнику о своей заботе. О. Леонид внимательно выслушал его и сказал: “Ну что же, денег на приданое я тебе дам. Отдашь их, когда сможешь. Но пообещай, что за это на храм поработаешь”.

С радостью прибежал Иван Николаевич домой и рассказал все жене. Свадьбы они сыграли обеим дочкам. После этого стал Иван Николаевич ходить в храм, выполнять разные хозяйственные работы. То красит, то плотничает. А сам все прислушивается к тому, что читают и поют в храме. Потом стал учить молитвы, творить их.

Через некоторое время скопил он нужную сумму и пришел к отцу Леониду.

— А ты мне ничего не должен, — удивил его тот. — Ты уже все отработал.

— Как же, батюшка, я и десятой доли не сделал от долга, — настаивал Иван Николаевич. — Возьмите деньги.

— Ты мне не деньгами свой долг отдал, ты Бога узнал и теперь помнить будешь, — ответил ему священник.

Как никто, отец Леонид умел выслушать, никогда от него никто не слышал слова осуждения или упрека. Будучи священником, он знал все грехи человеческой природы, но любил свою паству той любовью, какой отец любит неразумное дитя — с надеждой, что оно, это дитя, поймет все свои заблуждения.

Его пастырское служение было отмечено православной церковью. А у ливенцев он снискал всеобщее уважение.

Причт Сергиевского храма в конце 50-х годов. Отец лернид (первый слева), матушка Фврония (в центре) и отец Евгений Кирьянчук со служащими Сергиевского храма.

Замечательным было служение этого человека, удивительна и кончина. Уже будучи тяжело больным, о. Леонид продолжал труды настоятеля храма. 22 ноября 1995 года ему позвонили из администрации города и попросили принять гостей из Москвы и Орла. Встречу назначили на 16 часов. В этот день был праздник иконы Божией Матери “Скоропослушница”. Отец Леонид, встретившись с гостями, подошел к празднуемой иконе. Внезапно прихватило сердце, и он, уже привыкший к таким приступам, потянулся к баночке с нитроглицерином. Но не успел взять таблетку. Так в подряснике, с крестом, у образа Божией Матери он предал дух свой Богу.

И после кончины о. Леонид не оставляет своих прихожан, молится за них на небесах. Об этом наша последняя легенда-быль. Отец Леонид по просьбам матерей молился за здоровье воинов, побывавших в Афганистане. У Любови Васильевны Н. сын получил ранение на этой войне и долго лечился по госпиталям. Мать обратилась с просьбой о молитве за болящего к отцу Леониду.

— Ты мне карточку его принеси, над ней помолюсь, — попросил ее отец Леонид.

Но женщина сразу его просьбу не выполнила, а спустя какое-то время отца Леонида не стало. Горько раскаивалась она в том, что не успел батюшка помолиться за ее сына. Но спустя какое-то время после похорон снится ей сон. Видит отца Леонида.

— Что же ты, Люба, фотографию мне не принесла? — говорит усонший батюшка. — Но ничего, я теперь за него здесь молиться буду.

И стал о. Леонид удаляться по прекрасной лестнице, а вокруг него разлилось неземное сияние.

Е.Богданова.

“ОТРЕКАТЬСЯ НЕ БУДУ”

“А ты, когда хочешь поститься, помажь голову твою и умой лице твое. Дабы явиться постящимся не перед людьми, но перед Отцем твоим, Который втайне.” Диакон кафедрального собора в Новосибирске отец Мефодий, еще раз перечитав эту фразу, закрыл Евангелие. Конечно, тяготы Великого поста нужно переносить терпеливо и так, чтобы никто не заметил, но последнее время у него не получалось. С детства был приучен к посту богомольными родителями, но почти шесть лет службы в армии нарушили правильный ритм постов — есть-то приходилось что давали. И теперь примерно с середины Великого поста не удается скрыть от окружающих, что ему трудно. Боли в желудке постепенно нарастают — и Светлую заутреню в прошлом году он служил через силу, едва держась на ногах. И в этом году будет, наверное, то же самое. Между тем, врачи никаких болезненных изменений не находят. Мефодий подумал, постукивая пальцами по обложке книги, потом решительно поднялся и открыл шкаф, отыскивая широкое и длинное льняное полотенце. Им он обвязался потуже...

Сейчас, на девятом десятке лет, отец Мефодий Дужик вспоминает этот эпизод своей жизни с веселой улыбкой: “А что вы думаете, и помогло. Я тогда решил, что это бес меня искушает, не дает поститься. Ну нет, думаю, или он меня — или я его, а вместе мы не уживемся. Перетянулся потуже суровым полотенцем и четыре дня подряд до Светлой Заутрени не вкушал никакой пищи, только пил воду. Так и служил. И с той поры все посты переношу без проблем и, Бог миловал, на желудок не жаловался.”

Этот случай при всей его кажущейся незначительности служит хорошей иллюстрацией к характеру и образу жизни отца Мефодия Дужика, который сменил отца Леонида Илькевича на посту настоятеля Сергиевского храма. С первого взгляда они казались полной противоположностью друг другу. Энергичный и живой отец Леонид — и сдержанный, неторопливый отец Мефодий, любящий заранее распланировать свой день и разметить работу на несколько месяцев вперед... У него все глубоко спрятано в сердце. О прошлом говорить не любит и не умеет, а если что и прорывается, то только для того, чтобы поддержать своих духовных чад, убедить, что не так уж трудны христианские добродетели, путь к которым пролагают пост, молитва и делание добрых дел.

С юности отец Мефодий стремился именно к этому тайному деланию, которое составляет самую большую добродетель христианина. Недаром истинно спасительной считается в христианстве только тайная милостыня, оказываемая с глазу на глаз без посторонних свидетелей, и тайная молитва, известная только самому молящемуся, да Богу.

Правда, раньше это тайное делание было по большей части вынужденным. Поначалу односельчане крестьянского сына Мефодия Дужика, проживавшего в деревне Сернички Локачинского района Волынской области, с пониманием и доброжелательно отнеслись к тому, что он поступил в школу регентов. Народ еще был в достаточной степени религиозен, да и советская власть пришла на Волынь только в конце тридцатых годов. Но комсомольцы скоро заходили по селу, налаживая антирелигиозную пропаганду. А в 1940 году Мефодия вместе с двенадцатью молодыми односельчанами забрали в армию. Каждый надеялся вернуться, но на всякий случай захватил с собой самое дорогое на память. Кто фотографию любимой, кто горсть земли с отцовского поля. А секретарь деревенской комсомольской организации Клима засунул за пазуху "Историю партии". Когда новобранцев провозили мимо церкви, только один Мефодий перекрестился на храм, как положено по церковному уставу. Товарищи иронически переглянулись, а Клима снисходительно усмехнулся: "Все крестишься, деревня. Эх ты, опиум. Ничего, в армии у тебя из головы глупость-то эту повыдует. Совсем другой вернешься."

"Я-то вернулся, — задумчиво говорит теперь отец Мефодий, прищуренными глазами поглядывая на блестящие на солнце купола Сергиевской церкви. — Я вернулся. И таким же верующим, как был. А все остальные там остались. Недаром сказано Богом: "Кто меня стыдится, того и я постыжусь".

Мефодий Дужик никогда не стыдился своей веры. Но прятаться на первых порах приходилось. Новобранцев из деревни Сернички отправили через всю огромную страну на Дальний Восток, на границу с Японией. В расположении части и перекреститься открыто было нельзя, не говоря уже о молитве. Поначалу попытался уединиться в Красном уголке. Заранее клал в стоявшую там тумбочку кусок хлеба. Вечером, после отбоя, пробирался в Красный уголок, приоткрывал дверцу тумбочки, становился на колени и молился. Гостей долго ждать не пришлось. Одним далеко не прекрасным

вечером резко хлопнула за спиной дверь, внезапно загорелся свет. На пороге стояли замполит и комсорг.

— Ты что тут делаешь? Молишься?

— Что вы, что вы! За хлебом пришел, хлеб тут у меня...

— Смотри, опиум. Если молишься...

После этого случая приспособился молиться, накрывшись с головой одеялом. Казалось бы, ну что стоило оставить молитву до лучших времен. Но вскоре началась война, родная деревня в первые недели была оккупирована. И бессильный на таком расстоянии чем-нибудь помочь отцу и матери, братьям и сестре, он повторял и повторял заученные слова молитв, твердил и твердил родные имена, умоляя Всевышнего помочь, защитить, спасти. Молитва была его разговором не только с Богом, но с близкими людьми, утешением в томительном однообразии казарменной жизни, когда изо дня в день соблюдается привычный, надоевший распорядок, а все паузы заполняются толками об очередной сводке Совинформбюро. Знали ли однополчане, что по ночам он молится? Наверное, знали. А может быть, и нет. Но ни замполит, ни комсорг больше его не тревожили, значит, никто не захотел донести.

Все стремительно изменилось, когда, после четырехлетнего ожидания начались военные действия против Японии. Сколько ни ожидай первый бой, как ни готовься к нему, а все равно страшно. Особенно когда противник обстреливает расположение батареи. Тогда в окоп к рядовому артиллеристу Дужикю один за другим ползли бойцы: "Мефодий, помолись".

— Да как молиться-то, ребята?

— А как знаешь, молись только.

Начал читать девяностый псалом "Живый о помощи Вышняго..." И пока читал, снаряды обходили окоп стороной.

Война с Японией считается "легкой". Победа в ней была достигнута в течение нескольких месяцев. Но это на бумаге, да в работах историков. А тем, кто принимал участие в военных действиях, эти месяцы могли показаться годами. Солдаты и офицеры той части, в которой служил рядовой Дужик, хватили всего, что выпадает на долю фронтовикам. И в окружении побывали, и в засаду угодили, и чуть не напились воды из отравленного колодца. Так что орден Боевого Красного Знамени, который сейчас украшает парадное облачение отца Мефодия, достался ему не легко и не просто. А ведь это только малая часть

биографии священника, впереди была большая и сложная мирная жизнь.

Первый ее послевоенный период, который проходил при жизни Сталина, сейчас представляют временем примирения между церковью и государством, паузой среди гонений. Если бы это действительно было так.

Недаром говорят верующие нашего времени, что легче иметь дело с прямыми гонителями, чем с лукавыми оболстителями, лицемерными друзьями. Разрешив церковные службы и перестав преследовать священников, власть делала все от нее зависящее, чтобы отвлечь молодежь от веры. Вспоминая свое прошлое, отец Мефодий все тверже и тверже утверждает в мысли, что не мир это был и даже не временное перемирие, а та же самая война, только ведущаяся другими средствами. Чего хотел он, вернувшись в 1946 году в родные Сернички? Только одного — петь в церкви. То есть, говоря языком кадровиков того времени: "Работать согласно имеющейся квалификации". И вот этого-то власть предрержащие никак не хотели. Пока он проживал в родительском семействе, помогая отцу и матери в домашнем хозяйстве и, как тысячи фронтовиков, отдыхая от войны, районное начальство внимательно изучало его послужной список. Для Волинщины такой "кадр" был настоящей находкой. В оккупации не был, значит "никем не завербован". Остальные его односельчане три года провели "под немцем" и по мнению бдительного НКВД не годились на руководящие должности. Кроме того, рядовой Дужик грамотен, читает, пишет и говорит не только по-русски, но и по-польски, дисциплинирован, привез из армии отличную характеристику. Ну, кажется, совсем немного осталось — вступить в партию и поступить в высшее учебное заведение (фронтовики принимались без экзаменов) — и работники отдела кадров закроют глаза на то, что старший брат у него служит священником, а родители каждое воскресенье бывают в церкви.

Сначала Мефодия Дужика не без совета партийных органов выбирают народным заседателем нарсуда Локачинского района Волинской области. Затем, познакомившись с ним поближе и приглядевшись, прокурор Локачинского района предлагает ему дать рекомендацию для поступления на юридический факультет Киевского университета.

"Я не то, чтобы не хотел, — вспоминает теперь отец Мефодий. — Я даже как-то опешил. Я и юридический факультет как-то не

умещались в голове. Я хотел только петь в церкви — вот и все. А дома сидел, потому что церковей было мало и регентских мест не было..."

И по прошествии некоторого времени, как ни грустно было расставаться с домом, пришлось перебираться в Павлоград Днепропетровской области, где нашлось место вольнонаемного регента.

Под словом "вольнонаемный" о. Мефодий подразумевает человека, не входящего в священнический штат и связанного с церковью только трудовым договором. Именно на таких условиях принял Мефодия Дужика на работу. Иначе было нельзя, присутствие в храмах молодых осуждалось, а если много молодежи приходило на богослужения, священник становился неблагонадежным, считалось, что он "ведет религиозную агитацию".

Отец Мефодий.

Уж зато спасибо, что принял вольнонаемным, несмотря на довольно своеобразную обстановку в Днепропетровской епархии. Тамшний архиерей всегда приезжал в храм в сопровождении старшего брата — офицера НКВД. Посмотреть на проезд Владыки от железнодорожного вокзала до храма прибегала целая толпа горожан. И то сказать, картина была удивительная. В открытой машине архиерей в рясе, с крестом и панагией, а рядом затянутый в ремни офицер. Мирно покачиваются рядом черный клобук и яркая фуражка с малиновым околышем, являя собой трогательное единение власти духовной и светской. Увы, единение не в пользу верующих.

Через год после начала своей работы отец Мефодий очень хорошо почувствовал это на собственном опыте.

“На светлой Неделе, — вспоминает он, — отца Корнилия, благочинного и меня отправили на машине Владыки в дальний деревенский храм, чтобы принять церковное имущество, а заодно отслужить в церкви последнюю службу, потому что было решено ее закрыть. Я-то думал, что по недостатку верующих. Но когда мы к вечеру приехали в деревню, у крайних домов нас встретили вооруженные дубьем зрители. Хорошо еще, что батюшки были в облачениях, но все равно, поначалу показалось — бить будут. На первый случай не тронули, пропустили к храму. А там... Не то цыганский табор, не то ярмарка, не то переселение народов. Когда крестьяне узнали, что храм будут закрывать, они переселились на церковный двор, почевали на паперти..”

Этот случай отчаянного сопротивления верующих разрушению храма, к сожалению, нигде не записан. Как и долгие разговоры священников с народом. По распоряжению Владыки они уговаривали людей покориться властям... Отцу Мефодию этот случай запомнился, потому что вскоре в его жизни произошли неожиданные изменения. Он, конечно, всегда знал, что язык нужно держать за зубами и никаких мнений и мыслей не высказывать. Но ведь это с чужими, с неверующими, с коммунистами, с представителями властей. Кто же знал, что шофер Владыки окажется “стукачом”? Пока благочинный убеждал крестьян “не бунтовать”, шофер отвел отца Мефодия в сторону и стал говорить о бесперспективности работы в церкви: “Что вам, молодому и хорошо подготовленному, там делать? Ведь ноты с листа словно книжку читаете. В Павлоградском клубе не хватает музыкального руководителя. Вас там давно ждут.” Привыкнув не таится от своих, о. Мефодий ответил резко. Суть ответа сводилась к тому, что его место в церкви, не в клубе. Через неделю Владыка, хорошо отругав строптивного регента, выставил его за пределы Днепропетровской епархии с предупреждением: “Нигде в церкви не найдется для тебя места.”

Вообще-то артеллерист Дужик не плакал даже на фронте. А тут, пока собирал еще солдатский “сидор”, слезы наворачивались на глаза. Нет ничего тяжелее несправедливой обиды. Да еще мысли о том, что до сих пор нет у него ни дома, ни семьи, ни твердого заработка. Расчетных денег хватило только на билет домой. На семейном совете решили, что не стоит ему больше служить в церкви,

надо начинать новую жизнь. Она началась в небольшом городке Киселевске Кемеровской области, там Мефодий Демидович Дужик поступил работать на шахту откатчиком. Работа тяжелая, но оплачивалась она хорошо. Церковь старался обходить. Но под Рождество душа так потянула в храм, что не выдержал — пошел к вечерне. Хор, собранный из пожилых прихожан, пел с грубыми ошибками. И еще раз не выдержал — подошел к батюшке, рассказал о том, что регент, предложил помочь. На рождественском богослужении Мефодий Демидович “на общественных началах” управлял хором. И тут же заработал кличку “поп” и лишился выгодной работы откатчика. Его подняли на гору и поставили грузить брус для креплений. Работа, тоже очень тяжелая, оплачивалась куда дешевле. Но теперь это его меньше всего беспокоило. По вечерам шахтер зачастил в церковь.

“С 1949 по 1954 г. служил в гор. Киселевске Кемеровской области, — пишет отец Мефодий в своей автобиографии. — С 1954 до 1957 был назначен штатным псаломщиком-регентом в г. Белово той же области” Так исполнилась его послевоенная мечта. Правда, исполнения пришлось ждать восемь лет...

Есть люди, которым все дается легко. Отец Мефодий принадлежит совсем к другому человеческому типу. Для таких людей все в жизни достигается только трудом и терпением. В 1957 году Нестор — митрополит Новосибирский и Барнаульский — рукоположил его в сан диакона и перевел в Кемерово. Была семья, росли дети. И сибирский климат не слишком подходил для них. Но даже такое, казалось бы, простое дело, как перевод из Сибири в центральную Россию, дался отцу Мефодию нелегко. Уже было место в Ливнах, а в Новосибирске отпускать не хотели. Чтобы одумался и вернулся обратно, Владыка запретил служить. Пришлось отложить в сторону облачение и засучить рукава. Как раз в это время в Ливнах отец Леонид задумал поставить новый забор вокруг храма. Договор заключили с отцом Мефодием. Часов с шести утра батюшка начинал месить раствор. И теперь не без гордости поглядывает на плоды своих трудов. И на своем настоял, и ограду выложил отличную.

Может быть, именно этот труд так тесно связал отца Мефодия с Сергиевским храмом, что он не мыслит своей жизни без него, без нашего города. Конечно, пришлось на время уехать в 1972 году. В этом году митрополит Орловский и Брянский Палладий рукоположил отца Мефодия в сан иерея и назначил третьим

священником в Сергиевскую церковь. И хотя новый священник был уже не молод, он поступил учиться в Московскую духовную семинарию на дневное отделение. Эти годы учения отец Мефодий и сейчас считает лучшим временем своей жизни. Оттуда он привез в Ливны традиции Троицко-Сергиевской Лавры: тщательное и точное соблюдение церковного устава, привычку подолгу исполнять свое молитвенное правило, а главное — постоянное чтение и тщательное изучение трудов св. отцов. Это изучение по слову святителя Игнатия Брянчанинова и св. Серафима Саровского должно стать основой духовной жизни христианина в последние времена, когда оскудеют другие источники жизни духовной и не будет хватать духоносных старцев. В них отец Мефодий находит ответы на самые тяжелые и сложные вопросы, с которыми к нему обращается его паства.

Помимо духовного водительства у настоятеля всегда масса хозяйственных забот. Но ни хлопоты о ремонте храма, ни многочисленные требы (многие ливенцы желают, чтобы именно отец Мефодий напутствовал или соборовал их родных, освящал квартиры и т.д.) не заслоняют необходимой для каждого священника духовной работы по осмыслению нашего времени, которую должен вести христианский пастырь. Понять, что является в нашем беспокойном мире добром, а что злом, не так-то просто. Слишком часто в последнее время низость и подлость, ложь и предательство примеряют белые одежды праведности. Понять, куда идет наш мир и каков в нем долг истинного христианина стало для отца Мефодия насущной потребностью. Порой он говорит о своих наблюдениях и размышлениях с близкими. Недавно ему был вручен второй наперсный крест — редкая для рядового священника награда. Когда высокие гости отбыли в Орел, подошли поздравить свои.

— Вот и признание пришло, — заметил кто-то, любуясь новым блестящим крестом.

— Кто знает, кто знает, — задумчиво отозвался отец Мефодий. — Многого впереди возможно. — Он бережно положил на колени награду. — Сказано ведь в видении Иоанна Кронштадского, что облегчение для верующих придет лишь на малое время. Может, еще придется скончаться в пути, как иные исповедники российские.

— Да в каком же пути?

— В пути гонений. Нет, я на гонения не напрашиваюсь. Но если опять ополчатся на нас, отречься не буду. Так что уж как Бог приведет. С верой жил, с ней и доживу до конца. Аминь.

ХОРОШИЙ БАТЮШКА

Обычай хоронить умерших священников на церковном дворе, за алтарной частью храма, за годы советской власти был довольно прочно забыт. В Ливнах вспомнили его только в девяностые годы двадцатого века по печальному поводу — скончался отец Евгений Кирьянчук, сослужитель отца Леонида и его помощник в делах.

Если принять на веру тезис, что каждый священник вносит что-то свое в жизнь храма и воспитание паствы, то деятельность отца Евгения можно определить, как неусыпную и постоянную миссионерскую работу. Конечно, он был сосредоточен на воспитании и росте своей души и подготовке ее, как говорил старец двадцатого века Сампсон Сивере "к вечной вечности", по основной болю его и заботой было духовное просвещение прихожан. Это закономерно. Ведь основы основы веры и духовной жизни отца Евгения были заложены в одном из величайших из монастырей Руси православной — Почаевской Лавре...

Людмила Евгеньевна Диденко — дочь отца Евгения — бережно перебирает фотографии. Эта пачка наиболее любимых ее отцом хранилась отдельно, в последние годы жизни он часто перебирал их, точно подводя итоги жизни и вглядываясь в прошлое. Вот раскрашенная от руки, но поблекшая от времени фотография монастыря за высокой стеной. Купола, острые шпили, зелень монастырского сада... На переднем плане спуск к реке и калитка в стене. С этой калиткой была связана жизнь семьи Кирьянчуков. Здесь служил привратником отец маленького Жени. Семья была небогатой и очень религиозной. С девяти лет младший сын по обету был отдан в монастырь послушником. Вот следующая фотография: послушник Евгений в шестнадцать лет. Большеглазый подросток в сером подряснике. Из-под скуфьи вырываются непокорные густые волосы. Но губы сжаты строго и не по-детски внимателен взгляд. Видно, что пройдена уже достаточно суровая школа жизни. Монах должен ограничивать себя в пище и отдыхе, сне и развлечениях. Но совершенно неограниченны для них работа и молитва. Юных послушников Почаевской Лавры приставляли ухаживать за опытными стариками-монахами, служить им келейниками, с тем, чтобы старшие преподали молодым науку ограничения себя во всем. Был такой старец-наставник и у Евгения Кирьянчука. Первое, чему он научил своего келейника — молчание, он был величайшим

противником праздных разговоров. Второе монашеское делание — молитва. Молитвенное правило отца Евгения до конца жизни было длинным и исполнялось неукоснительно, несмотря на болезнь, усталость, домашние хлопоты.

”Ему обязательно нужна была отдельная комната для молитвы, — вспоминает Людмила Евгеньевна. — Если он молится, никто не должен входить. Молитвы, которые он читал, не помню — плохо было слышно через дверь. Но так долго, так долго он молился. Засыпаешь и просыпаешься под голос, произносящий старославянские слова...”

Большому молитвеннику даются большие искушения — это в монастыре знали. И потому учили нестяжанию, отсутствию стремления к личному накопительству. Учили и беззаветному служению церкви. Все это пригодилось, когда рукоположенный в священники отец Евгений Кирьянчук вышел на самостоятельное поприще. И рукоположение, и первое настоятельство совпали с периодом оккупации Украины немцами. Пришлось служить в храме, только что разоренном большевиками, попутно восстанавливая его. Немцы относились к церкви и священнику с настороженным безразличием — только терпели, но это после богоборчества советской власти казалось огромным достижением. Среди священников шли споры, как определяться политически и практически в новых реалиях жизни, за кого молиться. За самостийную украинскую власть, насаждаемую оккупантами, или за тех, кто остался за линией фронта? Для отца Евгения тут не было вопроса. Конечно, за победу русского оружия. И хоть громко служить такой молебн было опасно, и в домашней молитве, и в храме он просил Бога об изгнании врага и освобождении Родины. Выбор очень важный для священника в те времена. Часть иереев православной церкви, переживших гонения, искренне поверила в возможность возрождения русской православной церкви при нацизме. Большевики казались врагом более страшным. И в храмах рассказывают о жестокости большевиков по отношению к священнослужителям, возглашают им анафему. Часть такого священства сбежала вместе с немцами. Добравшись до Европы в обозах немецкой армии, она пополнила Русскую Зарубежную Православную церковь и до настоящего времени остается непримиримой к тем, кто остался и пошел по их словам ”на компромисс с безбожной властью”.

Что и говорить, деятельность комсомольцев, высмеивавших монахов в шутовских карнавалах, устраиваемых у стен Почаевской Лавры на Рождество и Пасху, богоугодной не назовешь. Но и их противники из нацисткой Германии большой религиозностью не отличались. Слишком хорошо это было видно, когда мимо священнического дома гнали русских пленных, оборванных, раненых, несколько суток ничего не евших. И ясно было, кому выгодно тотальное, как тогда модно было говорить обирание крестьян. Кому, как не сельскому батюшке — отцу Евгению, было видеть, что с приходом немцев в деревне поселился если не голод, то постоянное недоедание. Для того, чтобы прокормиться, молодая матушка работала на свекольных полях у мужиков побогаче.

Так что не захотел отец Евгений ни служить с немцами, ни отступать с ними. И оказался в числе тех священников, которые вскоре после окончания войны были направлены возрождать веру в центральные области России

И новая фотография. Незнакомый храм с невысокими царскими воротами и массивным паникадиллом, с парадной решеткой у солеи. Это церковь в Болхове, которую поручили отцу Евгению восстановить. К началу войны в некогда богомольном Болхове не осталось ни одного действующего храма. Тем ответственней была его задача. Болхов он всегда вспоминал с нежностью и любовью, как вспоминаем мы пору самых радостных трудов и надежд. Бережно до последнего дня берег фотографию церковного совета — верных своих помощников в деле возрождения храма, хора, который он сам обучал церковному пению. Мечталось остаться в этом тихом, но каком-то родном городе навсегда, служить, растить детей, молиться по вечерам в маленьком домике на берегу реки. Не довелось — его судьбой стали Ливны. Сюда отца Евгения перевел в середине пятидесятых епископ Флавиан.

В суете по поводу бытовых неустройств, связанных с переездом, мелькнуло несколько месяцев, казалось, не успел и приглядеться к людям, а вдруг оказалось, что имеет и друзей, и авторитет у верующих. Верным на много лет другом отца Евгения стал отец Митрофан, человек горячо верующий и такой же молитвенник, как и отец Евгений. У них было необыкновенно много тем для разговоров. Часто можно было видеть, как после службы два священника, пожилой и помоложе, не торопясь идут домой и о чем-то оживленно беседуют. Как грустно, что исчезает не

записанным духовный опыт, накапливаемый поколениями священников. И не только духовный, но и житейский. Сколько исповедей выслушали оба на своем веку. Сколько жизненных драм увидели. Они были самыми осведомленными и знающими наблюдателями духовного и нравственного состояния русского народа на протяжении десятилетий. Как жаль, что батюшки обычно не пишут записок и не оставляют дневников.

Но прихожане хорошо запомнили манеру их служения. Отец Митрофаней отчитывал бесноватых. А отец Евгений был ценим и любим за удивительно выразительные и доходчивые проповеди. Да и кроме проповедей количество бесед, проводимых с верующими и интересующимися верой людьми, не поддается учету. После службы постоянно можно было видеть во дворе группу людей, окруживших отца Евгения, а он объясняет им значение обрядов православной церкви или толкует Священное Писание. Вот это и было миссионерской деятельностью священника, окруженного народом, оторванным от основ веры, но эту веру ищущим. Беседы отца Евгения заменяли и духовную литературу, которой тогда просто не было, и старческие поучения.

В благодарность за любовь и внимание прихожанки вышили для него бисером несколько поясов, которые до сих пор бережно хранят вдова и дети батюшки.

Но была в жизни отца Евгения такая область, в которую не допускались прихожане и даже близкие и родные знали о ней немного. Это оказание тайной милостыни. Милосердие благочестивого христианина не должно быть вынесено напоказ — это апостольское правило отец Евгений Кирьянчук усвоил с юности. И никто не знает точно, сколько средств из своего кошелька он раздал неимущим. А матушка узнала величину одной из сумм чисто случайно, когда домой пришло письмо из Фонда Мира. Секретарь Фонда Сергеева благодарила отца Евгения за то, что он в течение года отправил в адрес этой организации более тысячи рублей.

— Да ты что, отец, — ахнула она, — разве эти деньги нам самим лишние?

И вспоминает, как строго отчитал ее за это супруг. Конечно, им с тремя детьми на руках совсем не лишние были эти деньги, но... Но на всю жизнь запомнились им обоим бомбежки и беженцы, пленные красноармейцы и раненые, больные дети. Оба твердо верили, что Фонд Мира — организация, которая помогает тем, кто

пострадал в результате военных действий, и борется за мир. Поэтому и отдавал отец Евгений туда ежегодно немалую часть заработка.

Собственным удобствам и комфорту отец Евгений Кирьянчук придавал мало значения. Мог жить в небольшом частном домике с дырявыми полами, носить годами один и тот же выгоревший подрясник. Любил возиться в земле. Любил природу. Не искал наград и не имел тщеславия, руководствуясь евангельским правилом: "ищите прежде всего царствия Божия и правды Его..."

Жизнь, проведенная в молчаливом и молитвенном служении Богу и стремлении к христианским добродетелям, была отмечена прихожанами храма своеобразной наградой. Отца Евгения помнят до сих пор тепло и любовно. И с кем ни придется поговорить о нем, первое слово, срывающееся с уст: "Да, это был хороший батюшка".

БОГОСЛОВИЕ В КРАСКАХ

Несколько раз приходилось наблюдать в церквях и монастырях, как толпа богомольцев мимо новых нарядных икон тянется к какому-нибудь потемневшему образку в углу храма. И какая-нибудь старушка-служительница, если вы придёте к ней по сердцу, потихоньку скажет вновь прибывшим: “Помолитесь вот там. Этот Спас (или Богородица, или иной святой) силу имеет”. И счастлива та обитель и тот храм, которых Господь благословил такими иконами.

Не оставил он без своей благодати и Ливенскую Сергиевскую церковь. В ней сияют не только новые, но и старые, намоленные иконы, ставшие для ливенцев источником чудес и небесной помощи.

Первое место среди них, безусловно, принадлежит образу Иверской Богородицы. На пестром, расписанном голубыми, золотыми, красными орнаментами фоне, — печальная женщина в багряных одеждах. Но тот, кто взглянет в глаза этой Богоматери, не отходит от нее долго... Неведомый художник сумел придать её взгляду выразительность и скорбь. Эти карие глаза, направленные прямо в лицо смотрящего, не оставляют вас, даже когда вы отойдете в сторону от иконы. Замечали, что взгляд Богородицы следует за тобой.

До начала двадцатого века такого образа не было в храме. Дореволюционные источники упоминают хранимые в нем особо чтимые Тихвинскую и Смоленскую Богоматерь, которая “не переписана и не подновлена никогда от момента ее написания”, датированную XV веком. К сожалению, при разорении храма в 20-е годы эти иконы утрачены навсегда. Вместо них Господь привел в храм другие образы, более соответствующие направлению духовной брани, которую православие ведет в двадцатом веке. И в этом великое милосердие Божие.

История ее появления в Сергиевском храме необычна. Жила в одной из подгородных деревень женщина по имени Мария. Где-то в конце тридцатых годов приснился ей сон. Привиделась Богородица, которая говорила ей: “Забери меня. Я устала быть на чердаке. Забери к себе”. И назвала дальнее село, в котором хранился образ Иверской Богородицы. Начав осторожно расспрашивать жителей этого села, Мария узнала, что когда разрушили местную церковь, женщины

спрятали наиболее чтимую икону. Хранилась она у жены председателя сельсовета. Но когда Мария пришла и прямо попросила икону, женщина не захотела признаться, не поверила чужому человеку. Тогда икона, опять явившись к Марии во сне, точно описала свое местонахождение. Верующая женщина рассказала об этом сне хозяйке иконы, и та отдала ее просительнице.

И Мария понесла свою находку в Ливны. Понесла так, как по обычаю полагается носить чудотворные иконы — на голове. По дороге встретила компанию молодежи, которая стала насмехаться над иконой и Марией. Но не успела она отойти подальше, как самый отчаянный насмешник поскользнулся, упал и сломал ногу.

А когда село осталось далеко позади, женщина почувствовала сильную боль в шее и решила отдохнуть. Присев, сняла икону и вот тут-то увидела истечение слез из глаз Богоматери.

Мария подхватила икону и без отдыха отшагала все оставшееся расстояние до Ливен. Старые прихожане Сергиевского храма еще помнят, как во двор торопливо вошла бледная женщина с иконой на голове. “Позовите батюшку!” — крикнула она людям. И когда сняла икону и повернула ее лицом к собравшимся, все увидели светлые капельки, проступающие в уголке правого глаза Богоматери. Подоспевший о. Митрофаней снял каплю ватой и все явственно почувствовали ее благоухание. Истечение слез продолжалось от прихода Марии до конца вечернего богослужения. И очень напугало всех наблюдающих его. Плачущие иконы всегда считались в русской истории вестницами тяжёлых испытаний.

Вообще-то этот случай имеет немало аналогов в истории православной церкви. Богородица не раз являлась людям во сне, сообщая о той или иной своей иконе, требуя, чтобы образ обрели и молились ему. Так в церковное почитание вошли Казанская икона, “Державная”, “Неупиваемая чаша”. Но во всех перечисленных иконах была одна черта: изображение Богородицы на них отличалось новыми, неканоническими деталями. “Писано так, как отроду не пишут”, — как сказал о Казанской иконе наблюдатель в XVI веке. Иверская Богоматерь, таким необычным способом пришедшая в Ливны, не новый, а традиционный иконописный сюжет. Но, видимо, есть Божий промысел в том, что икона появилась в Сергиевском храме. Второе имя ее — Портаитисса, что значит вратарница. Она хранит мир от прихода Антихриста.

Достаточно редкий иконописный сюжет у иконы “Отрада и

БОГОСЛОВИЕ В КРАСКАХ

Голько раз приходилось наблюдать в церквях и монастырях, как толпа богомольцев мимо новых нарядных икон тянется к какому-нибудь потемневшему образку в углу храма. И какая-нибудь старушка-служительница, если вы придетесь ей по сердцу, потихоньку скажет вновь прибывшим: “Помолитесь вот там. Этот Спас (или Богородица, или иной святой) силу имеет”. И счастлива та обитель и тот храм, которых Господь благословил такими иконами.

Не оставил он без своей благодати и Ливенскую Сергиевскую церковь. В ней сияют не только новые, но и старые, намоленные иконы, ставшие для ливенцев источником чудес и небесной помощи.

Первое место среди них, безусловно, принадлежит образу Иверской Богородицы. На пестром, расписанном голубыми, золотыми, красными орнаментами фоне, — печальная женщина в багряных одеждах. Но тот, кто взглянется в глаза этой Богоматери, не отходит от нее долго... Неведомый художник сумел придать её взгляду выразительность и скорбь. Эти карие глаза, направленные прямо в лицо смотрящего, не оставляют вас, даже когда вы отойдете в сторону от иконы. Замечали, что взгляд Богородицы следует за тобой.

До начала двадцатого века такого образа не было в храме. Дореволюционные источники упоминают хранимые в нем особо чтимые Тихвинскую и Смоленскую Богоматерь, которая “не переписана и не подновлена никогда от момента ее написания”, датированную XV веком. К сожалению, при разорении храма в 20-е годы эти иконы утрачены навсегда. Вместо них Господь привел в храм другие образы, более соответствующие направлению духовной брани, которую православие ведет в двадцатом веке. И в этом великое милосердие Божие.

История ее появления в Сергиевском храме необычна. Жила в одной из подгородных деревень женщина по имени Мария. Где-то в конце тридцатых годов приснился ей сон. Привиделась Богородица, которая говорила ей: “Забери меня. Я устала быть на чердаке. Забери к себе”. И назвала дальнее село, в котором хранился образ Иверской Богородицы. Начав осторожно расспрашивать жителей этого села, Мария узнала, что когда разрушили местную церковь, женщины

спрятали наиболее чтимую икону. Хранилась она у жены председателя сельсовета. Но когда Мария пришла и прямо попросила икону, женщина не захотела признаться, не поверила чужому человеку. Тогда икона, опять явившись к Марии во сне, точно описала свое местонахождение. Верующая женщина рассказала об этом сне хозяйке иконы, и та отдала ее просительнице.

И Мария понесла свою находку в Ливны. Понесла так, как по обычаю полагается носить чудотворные иконы — на голове. По дороге встретила компанию молодежи, которая стала насмехаться над иконой и Марией. Но не успела она отойти подальше, как самый отчаянный насмешник поскользнулся, упал и сломал ногу.

А когда село осталось далеко позади, женщина почувствовала сильную боль в шее и решила отдохнуть. Присев, сняла икону и вот тут-то увидела истечение слез из глаз Богоматери.

Мария подхватила икону и без отдыха отшагала все оставшееся расстояние до Ливен. Старые прихожане Сергиевского храма еще помнят, как во двор торопливо вошла бледная женщина с иконой на голове. “Позовите батюшку!” — крикнула она людям. И когда сняла икону и повернула ее лицом к собравшимся, все увидели светлые капельки, проступающие в уголке правого глаза Богоматери. Подоспевший о. Митрофаней снял каплю ватой и все явственно почувствовали ее благоухание. Истечение слез продолжалось от прихода Марии до конца вечернего богослужения. И очень напугало всех наблюдающих его. Плачущие иконы всегда считались в русской истории вестницами тяжёлых испытаний.

Вообще-то этот случай имеет немало аналогов в истории православной церкви. Богородица не раз являлась людям во сне, сообщая о той или иной своей иконе, требуя, чтобы образ обрели и молились ему. Так в церковное почитание вошли Казанская икона, “Державная”, “Неупиваемая чаша”. Но во всех перечисленных иконах была одна черта: изображение Богородицы на них отличалось новыми, неканоническими деталями. “Писано так, как отроду не пишут”, — как сказал о Казанской иконе наблюдатель в XVI веке. Иверская Богоматерь, таким необычным способом пришедшая в Ливны, не новый, а традиционный иконописный сюжет. Но, видимо, есть Божий промысел в том, что икона появилась в Сергиевском храме. Второе имя ее — Поргаитисса, что значит вратарница. Она хранит мир от прихода Антихриста.

Достаточно редкий иконописный сюжет у иконы “Отрада и

Утешение". Она была распространена исключительно на юге России и называли там такие иконы "казачьими Богородицами". Первое изображение "казачьей Богородицы" датируется 1785 годом. Легенда говорит, что в этом году на Афон напали турки. Иноки монастыря Ватопед долго сидели в осаде, ожидая нападения. Наконец собрались выйти за стены обительские для сбора урожая. Но когда игумен стал благословлять братию на труд, от иконы, находившейся в комнате, раздался женский голос: "Не выходите". И онемевшие от удивления и ужаса монахи увидели, как младенец Христос на иконе поднял руку и закрыл ею уста своей матери. "Нет, мать моя, не предупреждай их ни о чем. Монахи должны пострадать. Они очень грешны". Но Богоматерь отвела руку своего божественного сына и опять повторила: "Не выходите". Устрашенные монахи остались в монастыре, а через два часа показались турки, идущие на приступ. Очертания рук матери и младенца, чудесно изменившись, остались такими же, какими были в момент разговора.

Образ данного написания явился в России не ранее XVIII века, когда Екатерина II начала русско-турецкую войну. "Отрада и Утешение" считалась образом, помогающим в борьбе против мусульман, и весь восемнадцатый и девятнадцатый века казаки, воевавшие на Кавказе, считали эту икону своей покровительницей.

Существует версия, что икона "Отрада и Утешение" некогда принадлежала Ливенскому казачьему полку. После расформирования его была передана в один из храмов города, затем во время разграбления храмов спасена и передана в Сергиевскую церковь.

Икона датируется XVIII веком, возможно, самым его началом, а выразительность и красота изображения говорят о том, что это работа иконописца высокого класса. "Отрада" относится к иконам, написанным так называемым "афонским стилем". Этот стиль представляет собой сочетание элементов старинного иконописания и реалистических приемов письма. Доска, на которой изображена Богоматерь, и сама манера письма свидетельствуют в пользу того, что икона скорее всего была изготовлена на Афоне и потом доставлена в Россию. В годы гонений не ней был слегка поврежден красочный слой. Но повреждения не задели лиц Матери и Младенца.

Однако, как ни важны все эти сведения, художественная ценность ливенского списка "Отрады и Утешения" отстает перед ее богослужебной ценностью. "Открыла себя" эта икона совсем недавно — в 1995 году. У некоей жительницы Ливен умер единственный

сын. Для матери это горе было страшным ударом, и она, прежде мало религиозная, стала искать утешения в вере. Часто посещала церковь, отстаивала службы, ставила свечи...

В одно воскресенье 1995 года, уже после окончания службы, женщина поставила свечи и уже собиралась уходить, и тут сзади донесся женский голос: "Об одном-то плачешь. А о тех пятерых, что убила, ты и слезы не пролила". Упрек был справедливый, женщина действительно сделала пять аборт. Но когда она обернулась, чтобы взглянуть на говорившую, рядом никого не оказалось. Взгляд пал на икону "Отрада". Глаза Богоматери, обычно устремленные на ручку Младенца, теперь смотрели ей прямо в лицо, и от лика Её исходило слабое мерцание...

Иконы, которые говорят, в настоящее время большая редкость. Поэтому "Отраду и Утешение" из Сергиевского храма можно считать одной из самых драгоценных его икон.

Пантелеймон-целитель также, судя по всему, пришелец с горы Афонской. Приемы реалистического письма, отчетливо видные на этой иконе, говорят о самом начале XVIII века, о влиянии стиля барокко. Сплошной золотой фон, плоскостное написание фигуры святого — от византийского иконописания. А объемно написанные руки и голова святого — от придворной иконы XVIII века. В соответствии с тогдашними представлениями о прекрасном и достойном, художник украсил руки врача-бессеребренника, не бравшего ни гроша за свои врачевания, жемчужными браслетами, "вышил" ворот его туники золотом, накинул на плечи пурпурную тогу, которую носили приближенные римских императоров. В то же время мастер тщательно "осветил" правую половину лица Пантелеймона, а левую оставил в тени. Это придало лицу святого удивительную изменчивость. Когда загораются свечи, кажется, что вслед за колебаниями огоньков меняется выражение его лица. Конечно, эффект этого приема был бы больше, если бы в храме горели только свечи, электричество уничтожает "хитрости" старых мастеров, но даже ярко освещенный Пантелеймон на редкость выразителен.

Богородица "Умиление" — изображение Богоматери, молящейся в одиночестве — относится к XIX веку. Эта икона имеет свою ливенскую историю. Ее нашли где-то в покинутой и разграбленной сельской церкви, принесли в храм изувеченной. Внизу у самого края доски прочитали надпись, сообщающую, что написана она на

Афоне. И сейчас эта надпись отчетливо видна, и ее можно прочитать. Теперь икону привели в порядок, и она дарует помощь молодым в создании хороших и крепких семей.

Пожалуй, самая загадочная икона — это “Серафим Саровский, молящийся на камне”. Общеизвестно, что сюжет иконы предложен и разработан архиепископом Серафимом Чичаговым. По личной просьбе Николая II Серафим занимался составлением жития святого. И захотел написать его икону. В сонном видении ему явился Серафим молящийся, и, проснувшись, архиепископ наскоро набросал то, что видел, затем перенес это с бумаги на доску. Первая икона — подлинник — хранится сейчас в одном из московских храмов. Но известно, что архиепископ Серафим сделал еще несколько копий, одна из которых была подарена Николаю II. Известно также, что первую свою работу он возил с собой, а копии щедро раздавал. В девятисотые годы Серафим Чичагов был архиепископом Орловским и Севским. В эти годы он несколько раз посещал Ливны. Не поручил ли он кому-нибудь снять копию со своей иконы? Анализ доски, на которой написана икона, украшений на углах ее, наконец манера письма с несомненностью говорят, что она относится к девятисотым годам, т.е. к тому самому времени, когда Серафим епископствовал на Орловской кафедре.

В большевистские времена с иконой, по рассказам, приключилась следующая история. В одном доме жили священник, изгнанный из храма, и монах. Какие-то лихие люди решили ограбить дом, подумав, что у стариков имеются деньги из монастырской казны. Пришли к дому ночью. И услышали стук колотушки ночного сторожа. Ходит вокруг дома какой-то незнакомый старик и постукивает. Стали ждать, когда уйдет отдохнуть. А старик не уходит — стучит себе да стучит. Грабители замерзли и вернулись к себе домой. На следующую ночь предводитель сказал решительно: “Нечего ждать. Если опять объявится старикашка, уьем его, а в дом войдем...” И вот опять раздался в ночи стук колотушки, опять бродит старик. Предводитель подошел к нему открыто: убирайся, старый, не то худо будет. Молча покивал головой старик. “Тогда я тебя...” Легко взметнулся топор и опустился на голову странного старика, но в ту же минуту старик исчез, а предводитель, хрипя, упал в снег — его разбил паралич.

Три месяца пролежал этот человек недвижимым, говорить не мог, только мычал, и, наконец, стал близок к гробу. Жена в слезах побежала к священнику, чтобы он напутствовал умирающего.

Собираясь в дом, священник взял с собой икону молящегося Серафима. Стоило ему войти в дом, больной заволновался, заметался и замычал. А когда ему понесли икону, уста болящего разрешились и раздался вопль: “Узнал, узнал! Он! Он!” В Серафиме Саровском предводитель бандитской шайки узнал старика сторожа, охранявшего дом священника.

Дай Господи, чтобы перед нами раскрылась подробнее тайна Серафимовой иконы. Но если этого не случится, мы все равно будем знать, что луч благодати Господней лежит на ней.

Икона “Глава Иоанна Крестителя” не отличается богатым убранством. Вся она, за исключением головы Иоанна, покрыта тонкой ризой из фольги с дешевыми металлическими украшениями. Она была нарядней и ярче, когда в 1915 году священник Ливенской церкви Всех святых (в просторечии кладбищенской) протянул ее своей плачущей прихожанке. Муж этой женщины, воевавший на германском фронте, был тяжело ранен в голову осколком немецкого снаряда. Будущее представлялось беспросветным.

— Молись, — велел священник, — и твои спасены будут.

Женщина стала читать перед иконой акафист утром и вечером. Вскоре из госпиталя пришло известие, что муж поправляется. И муж, и братья вернулись с фронта живыми, уцелели и на гражданской войне. Уже не было в живых священника, кладбищенская церковь стала складом, а женщина продолжала молиться. Когда началась Великая Отечественная война и к городу подошли немцы, она не покинула свой дом, уповая на милость Божию и заступничество Иоанна Предтечи. Во время бомбежки 1942 года все дома на улице превратились в руины. Только ее, хранивший в своих стенах святыню, уцелел.

В 1957 году женщина принесла икону в дар Сергиевскому храму. “Я уже стара, — сказала она о. Леониду. — Не знаю, что будет с иконой, когда меня не станет. А хочется сберечь ее, ведь она — моя спасительница”. И прибавила, подумав: “Не знаю, можно ли считать эту икону чудотворной. Но верю, что случившееся со мной есть истинное чудо Божие”.

Кстати, сыновья этой женщины прошли все фронты Великой Отечественной и вернулись домой живыми, как и их отец.

Интересно, что особая судьба и чудотворения — удел только тех икон, которые были принесены в храм как доброхотные даяния нерующими начала пятидесятых годов. Большинство остальных икон

приобретались о. Леонидом Илькевичем в антикварных магазинах Москвы. Они относятся к различным периодам XIX века. История их в Ливнах неизвестна.

Художник-академист Павел Александрович Гладков.

В период между 1968-1970 годами Сергиевский храм был расписан художником Павлом Александровичем Гладковым. Сведений о нем сохранилось не так уж много. Профессиональный живописец, он постоянно жил и трудился в г. Купавна Московской области. На хлеб насущный зарабатывал, рисуя портреты вождей партии и членов правительства. Церковной живописью Павел Александрович мог заниматься только в свободное от работы время. Когда-то русские художники объединялись в артель, иногда состоящую из двух десятков человек. В советское время так работать было невозможно, единомышленников найти было нелегко. И П.А. Гладков работал один. В течение нескольких лет, с перерывами на основную работу, Павел Александрович расписал оба алтаря, приделы и притвор храма.

Этот огромный труд до сих пор радует глаз прихожан храма, хотя позднейшие подновления и расчистки (свечная копоть портит роспись внутри храма так же сильно, как дожди и ветра — ее наружное покрытие) несколько упростили и огрубели первоначальную живопись. Вкус и изящество, свойственные его живописной манере, проступают из-под позднейших наслоений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы останавливаем историю Ливенского Свято-Сергиевского храма на чудотворении от иконы "Отрада и утешение", случившемся в 1995 году, не потому, что позже в волнуемом море повседневности человеческий глаз не различает пока твердо и ясно дорогу, которую Промысел Божий наметил для Русской православной церкви.

Те совершенно новые, более благоприятные условия, в которых церковь существует сейчас, стали возможны лишь со второй половины 1980-х годов и с начала 1990, когда сильно ослаб, а затем и рухнул коммунистический режим. Временной границей этого облегчения истории церкви считают празднование тысячелетия Крещения Руси — 1988 год. Но окончательным, решающим фактором стало обращение Президента России Б.Н. Ельцина к Патриарху 19 августа 1991 года. В нем были следующие строки:

"В эту трагическую для судеб нашего Отечества минуту призываю Вас, используя свой авторитет среди религиозных конфессий и верующих, а также влияние церкви в нашем обществе, не остаться в стороне от происходящего, ибо оно напрямую связано с делом, которому Вы, Ваше Святейшество, посвятили всю свою жизнь — служению людям, заботе об их сердцах и душах. Настрадавшаяся от тоталитаризма Церковь вновь может испытать на себе тяготы произвола и беззакония. Вашего слова ждут верующие, весь русский народ, вся Россия".

Не в первый раз в истории в минуту смертельной для себя опасности власть бросилась под покров Церкви, взывая о помощи. И помощь была оказана, призыв услышан. Но так ли легки времена благоприятные, как об этом мечталось? Однозначного ответа на этот вопрос в наше время не может быть. С одной стороны, открываются в России новые храмы, возрождается система религиозного образования. А с другой...

Вместо организованного противника, вооруженного всей силой государственной власти, церковь лицом к лицу оказалась с противником незримым. Не стоит теперь в пасхальную ночь перед церковью охрана из комсомольцев-дружинников. Но много ли молодых осознанно входят в церковные ворота? Семьдесят лет антирелигиозной пропаганды не прошли бесследно. Народ за годы

советской власти утерять представление о религии, стал язычником. Не надо думать, что у людей нет духовных запросов. Они есть. Но довольно своеобразные. Чрезвычайно интересны наблюдения нашего современника Михаила Эпштейна, опубликованные "Независимой газетой" 9.10.1991 г. "Путь в пустыне". "Представьте себе молодого человека из типично советской семьи, на протяжении трех-четырех поколений начисто отрезанного от каких-либо религиозных традиций. И вот теперь, слыша в своей душе некий призыв свыше, этот молодой человек никак не может определиться — куда же ему идти, под крышей какого храма ему укрыться. Он идет в православный храм и сталкивается со вполне определенной системой догм и обрядов, которая кажется ему слишком тесной для этого великого чувства...

Вот в этом разрыве между верой и вероисповеданием рождается бедная религия, не имеющая ни устава, ни книг, ни обрядов. Заметьте, что из атеизма сейчас уходит много больше людей, чем приходит в Храм. Они уходят и не доходят, остаются на распутье.

В душе бедного верующего нет никаких догматических предпочтений, которые создаются непрерывной исторической традицией, крепким семейным религиозным укладом. За прошедшие семьдесят лет в духовной жизни страны была вытоптана такая ровная пустыня, что мелкими кажутся межи, сохранившиеся от разных исторических религий".

Вот на этого-то бедного верующего в начале 90-х годов буквально открыли охоту представители самых разных вероисповеданий — от традиционного лютеранства до самых экзотических сект. Уже в 1992 году в городе появляется проповедник-адвентист, который открывает свою "духовную школу" в районной библиотеке. Не отстают от него и доморожденные проповедники-баптисты и пятидесятники. Получая поддержку из-за рубежа, они свободнее обращаются с литературой (имеют возможность раздавать бесплатно свои переводы Библии, Евангелия, псалмов). Кстати, свои радения баптисты также проводят в Районном доме культуры. Для части ливенцев и жителей района эти проповеди оказываются привлекательными, больше всего — в силу простоты и доступности: протестантизм, к которому принадлежат и баптисты, и адвентисты, заметно упрощает христианство. Он отказывается от крестных знаменей, икон, сложных богослужений, заменяя их проповедями, не имеет иерархии и т.д. А обещает своим поклонникам здоровье,

жизненное преуспевание и материальную помощь, а также обязательное блаженство на небесах. Энергичнее стали проповеди давно засевших в городе трясунов-пятидесятников. В 1996-97 годах занесли свою заразу "Свидетели Иеговы", имеется экзотический культ поклонников йоги и Шамбалы. Отличные друг от друга в своих верованиях, они единодушны в одном — неумоимо порицают православную церковь, хулят ее священников, обличают обряды и т.д.

Масса народа, оставшись вне сект, тем не менее увлекается оккультизмом, сатанизмом и прочими "измами", многие, искренне считая себя православными, вносят в свои представления о вере элемент язычества — веру в приметы, поиски исцеления у бабушек-шептуний и т.д.

Ответ церкви на вызов времени вырабатывался медленно и трудно. Не слкудет забывать, что 70 лет церковь, по меткому выражению одного публициста, "была в столбняке". Не были найдены формы миссионерской работы, не было опыта. Но первое, с чего начал причт Сергиевского храма — это возобновление религиозного образования детей. Была открыта воскресная школа. Преподавателями стали А.Г. Курская и С.И. Винчукевич. Сейчас в этой школе не менее 90 ребят изучают Священную историю и литургику.

Сергиевский храм стал центром распространения православной литературы, в нем имеется церковная библиотека, в которой многие верующие отыскивают книги по душе.

Много времени уходит у священников храма на исполнение треб (богослужений на дому). В настоящее время очень многие, даже далекие от религии, люди хотели бы отпеть своих родственников, освятить квартиру и т.д.

Что касается контактов храма с общественными организациями — здесь дела идут сложнее. Несколько раз настоятель храма о. Мефодий (Дужик) освящал школы. Участвовал в общегородских мероприятиях по борьбе с наркоманией. О. Сергей (Винчукевич) и о. Мефодий напутствовали пастырским словом и молитвой молодых воинов, уходящих в армию. Прекрасную традицию создали ветераны Афганской войны. Ежегодно 9 сентября, в день Ивана-Воина, они служат в храме по всем убиенным товарищам своим.

Разовьются эти первые контакты между церковью и обществом в широкое сотрудничество, или пропасть, вырытая между ними в годы

атеистической власти, останется незасыпанной, покажет время. Будущее по милости Божией скрыто от нас.

Но и эта великая милость не вызывает почтения у людей. Как всегда на рубеже веков, рождаются самые разнообразные догадки о будущем, попытки предсказать его. Обилие сект, резкое падение нравственности среди молодежи, вызванное свободной пропагандой секса в средствах массовой информации, многие считают признаком "конца времен" — приближения антихристового царства, которое завершит историю. И в связи с этими ожиданиями народ сложил новую легенду, которая прозвучала у нас в пасхальные дни 1999 года. Имя верующей женщины, рассказавшей ее детям, не известно. Но пусть она и останется безымянной, как положено легендам.

"Когда на престол в Иерусалиме воссядет Антихрист, и начнется последнее гонение на христиан, верующие, те, что остались верными православию, соберутся около Сергиевской церкви, ожидая последних мучений. И тогда расступится земля у пещеры, и откроются широкие ступени, по которым последние верные сойдут в подземный город праведников. Там они увидят и инока Харлампия, и Алексея Щеглова, и тех, кто был замучен и расстрелян в тридцатые годы, и других великих праведников, имен которых мы не знаем пока. И сомкнется земля перед антихристовыми слугами, а храм рухнет, погребая следы пещеры".

Если это предвидение верно, то мы познакомили читателя со всей историей Сергиевского храма, от начала и до конца.

ЛЕТОПИСЬ СЕРГИЕВСКОГО ХРАМА

1615 г. — первое сообщение в "Приправочной книге" о церкви во имя Сергия Чудотворца в Ливенском Сергиевском мужском монастыре.

1618 г. — церковь и монастырь ограблены во время разорения города запорожскими казаками во главе с гетманом Сагайдачным.

1647 г. — большой пожар уничтожает монастырь. Деревянная Сергиевская церковь сгорела.

1667 г. — настоятель монастыря архимандрит Иосаф с братией возводят каменную церковь Успения Божией Матери с приделом в честь Сергия Радонежского, сохранившуюся до наших дней.

1734 г. — настоятель монастыря Иосаф II (Мишин) возводит каменную колокольню Сергиевской церкви, сохранившуюся до наших дней.

1738 г. — по распоряжению преосвященного Леонида архиепископа Сарского и Подонского при Сергиевской церкви открыто училище для детей церковнослужителей Ливенского и Чернавского уездов.

1746 г. — по распоряжению преосвященного Платона архиепископа Сарского и Подонского расширен в "главной церкви" придел Сергея Радонежского.

1766 г. — монастырь закрыт и расформирован. Успенно-Сергиевская церковь обращена в приходскую. По этому случаю к ней пристроен притвор, существующий в наше время.

1768 г. — разобрана каменная ограда монастыря и уничтожено монастырское кладбище. Удивительное происшествие на могиле архимандрита Алексия (Щеглова).

1777 г. — на территории, принадлежащей Сергиевской церкви, обнаружено захоронение, содержащее нетленное тело в священническом облачении и митре.

1858 г. — чудесное явление первого настоятеля монастыря Харлампия капитану Грабовскому. Чудотворения и исцеления в пещере. Открытие целебного Харлампиевого источника.

1888 г. — над пещерой возведена часовня, учрежден чин наблюдающего за пещерой священника.

1890 г. — начальник Ливенской ж.д. инженер Каришев производит на церковном дворе археологические раскопки. Найдены ступени, ведущие под землю.

1917 г. — запрещено изучение Закона Божьего в учебных заведениях. О.Василий Понятовский и священники Сергиевской церкви организуют школу по изучению Священного Писания на дому.

1922 г. — произведено изъятие церковного имущества на нужды голодающих. В Сергиевской церкви забраны ризы с икон и старинное рукописное Евангелие.

1923 г. — по рекомендации комиссии по делам церкви под руководством Н.И.Седовой (Троцкой) Сергиевская церковь внесена в список церквей, подлежащих уничтожению, т.к. "культурного значения она не имеет".

1929 г. — на нужды промышленности сняты и отправлены на переплавку как лом цветных металлов колокола Сергиевской церкви.

1932 г. — по сфабрикованному обвинению в организации "Ливенского церковно-монархического центра" арестованы и расстреляны о.Василий Понятовский и еще 39 священников. Все священство города уничтожено. Церковь превращена в зерносклад.

1941 г. — немцы превращают Сергиевскую церковь в оборонительное укрепление. Бой за овладение церковью 23 декабря 1941 года.

1947 г. — 13 октября Совет по делам Русской православной церкви по Орловской области, по многочисленным просьбам верующих, разрешил открыть Сергиевскую церковь в г.Ливны.

1948 г. — в церкви ведутся восстановительные работы. В пещере происходит чудо исцеления руки тяжелобольной прихожанки.

1949 г. — "Дело об антисоветской религиозной агитации священника Ливенской Сергиевской церкви Митрофания".

1950 г. — священство Сергиевского храма обращается к верующим с просьбой о принесении в церковь икон. Чудо миротечения от иконы Иверской Богоматери.

1954 г. — священником храма назначается о.Леонид Илькевич.

1960 г. — запрещен колокольный звон. С колокольни церкви вновь забраны и вывезены колокола.

1970 г. — художник П.Гладков заканчивает расписывать церковь.

1995 г. — чудо от иконы Богоматери "Отрада и Утешение".

1996 г. — служба отца Леонида.

1996 г. — 125-лет со дня рождения Булгакова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

По заветам преподобного Сергия	3
Память о праповеднике не исчезнет	10
Инок Харлампий и статский советник Каришев	12
Прославление места сего	21
Случаи, побудившие в городе Ливнах творить память о старцах Сергиевского мужского упраздненного монастыря	23
Перед началом великих потрясений	27
Складское помещение номер пять	34
Народ помнит	42
Возрождение	46
Пастырь	55
"Отрекаться не буду"	59
Хороший батюшка	67
Богословие в красках	72
Заключение	79
Летопись Сергиевского храма	83

Духовное наследие Орловщины

Людмила Владимировна ПЕРЕЛЫГИНА
Летопись Сергиевского храма

Редактор Е. Богданова

*Частный издатель Александр Воробьев
Лицензия серия ИД №00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством РФ по печати, телерадиовещанию
и средствам массовых коммуникаций.*

Подписано в печать 30.11.2000 г. Формат 60x84^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,5 л.

Тираж 2000 экз. Заказ № 2830.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ГУИПП "Курск".
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.